

СМЕРТЬ
ВО ИМЯ
ИСТИНЫ

Анна Велес

16+

Анна Велес

Смерть во имя истины

«Автор»

2015

Велес А.

Смерть во имя истины / А. Велес — «Автор», 2015

ISBN 978-5-532-08329-5

В далеком монастыре убит настоятель. Дело странное, но им могли бы заняться и местные власти. Однако Глава Церкви отправляет туда своего ближайшего соратника и родственника. Потому что в том монастыре скрыта тайна, способная подорвать сами основы церкви. И это - тайна семьи Главы. Посланнику предстоит раскрыть преступление и оставить тайное тайным, если получится. Хотя от этого зависит его жизнь. Мир, описанный в романе, равно как и существующие в книге религии, являются только фантазией автора.

ISBN 978-5-532-08329-5

© Велес А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава первая. Ночной разговор	5
Глава вторая. Посланник	8
Глава третья. Родовое проклятие	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Велес

Смерть во имя истины

Глава первая. Ночной разговор

*Мир, описанный в романе,
равно как и существующие в книге религии,
являются только фантазией автора.*

Хранитель имел привычку спать очень чутко, и стук сандалий вестника, его тихий разговор со стражем, разбудили его. Стремительно вошедший юноша застал его уже возле ложа, затягивающим тесемку на короткой воинской тунике ремов. Вестник хотел, было, традиционно пасть на колено перед высоким сановником и приложиться губами к перстню, но рука Хранителя остановила его, придержав за плечо. Рубин в перстне блеснул в полумраке, отразив блеск свечей.

– Глава призывает тебя, господин, – склонив голову, передал вестник.

Меж бровями Хранителя пролегла складка тревоги.

– О нет, господин, – поспешил успокоить его юноша. – Глава в здравии и безопасности.

Но...он взволнован.

Хранитель чуть улыбнулся вестнику краем рта, выражая свое одобрение. Он сам выбирал вестников для службы Главе, он ценил в них наблюдательность и... верность ему. Высокий сановник, нагнувшись, подобрал клинок с широким лезвием, что лежал на полу возле его ложа, пристегнул оружие к простому ремню на поясе, кивнул юноше.

– Идем.

Он решительно покинул свои покои, миновал свою комнату для занятий, которую на самом деле посещал крайне редко, постоянно бывая в разъездах или подле Главы, вышел в длинный коридор, что соединял его половину с покоем Главы. Коридор был богато украшен статуями языческих героев и богинь, холстами, тускло блестевшими золотом, огромными витыми канделябрами. Он шел, молча кивая стражам, кто нес в эту августовскую ночь службу во дворце. Их он тоже выбирал сам. И это были те немногие воины, кому он мог доверять жизнь Главы. Наконец, он миновал большую часть пути, жестом отпустил сопровождавшего его вестника, отдернул полог, богато расшитый пурпуром и золотом, открыл массивную дверь, изукрашенную изразцами. И миная этот порог, он, как всегда, не удержался от кривой улыбки. Эта богатая дверь была единственным украшением покоев, которые она скрывала.

Глава Земного царства Пастуха, истинного бога нашего, Феликс Второй чурался блеска и роскоши, и как Хранитель, предпочитал простоту в быту. Покои его были скромны, как у рядового воина. Сам Глава в этот поздний час, одетый так же в тунику, сидел на низком табурете за небольшим столом для письма. Ложе его было нетронутым, Свечи, расставленные по кругу комнаты, чадили, когда в открытое окно врвался ночной ветер.

– Не бережешь себя, брат, – неодобрительно заметил Хранитель, указывая на окно.

Глава встал из-за стола и улыбнулся.

– Должен же я хоть когда-то дышать свободно, брат, – ответил он, поживая Хранителю руку, по солдатскому обычаю, так не свойственному верховным сановникам Церкви.

На сановника был он похож, пожалуй, еще менее, чем его Хранитель. Глава больше напоминал языческого героя или легендарного царя древности. Руки его и тело были привычны к оружию, а не к пергаментам и скипетру. Но хоть раз заглянув в его глаза, никто бы уже не

сомневался в его уме и силе, которые и привели его на самый верх – на трон всего земного царства Пастуха, истинного бога нашего.

– Пока ты посвящаешь себя своему любимому делу, – продолжал Глава с той же мальчишеской лукавой улыбкой. – Я могу жить, не чувствуя за свой спиной твоего дыхания и внимательного взгляда.

– Я рад за тебя, Феликс, – так же улыбнулся Хранитель. – Я лишь жалею, что ты упускаешь такие драгоценные минуты сна, что необходимы тебе еще более, чем мне.

– За все надо платить, Саймей, – напомнил Глава, запустив руку в копну волос цвета спелого колоса. – Зато ты спишь за двоих.

– Не часто, – возразил Хранитель. – Да и ты имеешь привычку мне мешать.

Феликс стал серьезным. Он одарил брата напряженным взглядом, а потом жестом позвал его к столу.

– Прочти, – протянув Хранителю пергамент, он начал шагать по комнате в тревоге и нетерпении.

Саймей погрузился в чтение, быстро пробегая взглядом по строчкам письма. Оно было написано на койне, но часто встречались здесь и фарсские слова.

– Убийство... – брови Хранителя взлетели, выражая его удивление. – Странно... Брат, окажи мне услугу. Сядь. У меня путаются мысли, пока ты мечешься.

– Ты бы давно был мертв за свое непочтение, если бы Главой был не я, – проворчал Феликс, усаживаясь на край ложа.

– Меня бы здесь не было, если бы ты не занял трон, – напомнил Саймей, усевшись на табурет. – Странное дело. Убит настоятель общины... Но не могу понять, либо его секретарь, что пишет тебе, так напуган, что все путает, либо это дело загадочно. Он убит странным оружием, которое не было найдено, а тело лежало в закрытой комнате... Очень странно. Как удивляет и то, что письмо доставили тебе, а не Главе Храма в Шалеме.

– Мне переслали его из Шалема, – пояснил Феликс. – По особым причинам.

Хранитель оторвался от чтения и внимательно смотрел на брата.

– Только ли это тебя удивляет, Сай? – спросил его Глава. – Ты любишь Шалем и знаешь его, как свои пять пальцев. Как и любой из нас – отцов Церкви. Шалем – Истинный город, где каждый камень помнит славу Пастуха, Истинного бога нашего. И каждая община там хранит вещественную память о днях его земной жизни. Как и в Лехеме...

– Городе, где он был рожден, – Хранитель смотрел на пергамент в задумчивости. – А эта обитель?

– Она расположена под самыми стенами Лехема, – кивнул Глава, давая понять, что Саймей мыслит верно. – Но ты бывал там?

– Нет, – без колебаний признал Хранитель. – И даже не видел упоминаний о ней в летописях.

– Потому что их там нет, – объяснил Феликс. – Но между тем известно, что обитель эта возникла раньше, чем храмы в самом Лехеме и спорит по старине своей со многими обителями Шалема.

– И там убийство, – напомнил Саймей. – Что же могло там храниться...

– Теперь я объясню тебе, брат, почему я так осведомлен об этой обители и ее покойном ныне настоятеле. Почему это письмо переслали мне из Шалема, – Феликс понизил голос. – Брат наш по вере Иоким был человеком умным и склонным к поиску истины. Он тоже задался вопросом, как случилось, что не осталось ни одного документа, где бы рассказано было об основании их общины. И не раз обращался он с такими вопросами в главный Храм в Шалеме. А позже... – Феликс поманил Саймея к себе, и перешел на шепот. – Позже он пришел с другими вопросами. ...О другом храме.

Хранитель понимающе кивнул и нахмурился. Такие вещи, что в тайне обсуждали они с Феликсом, всегда тревожили его и даже пугали.

– Ты помнишь базилику в Рэме? – как бы не в тему поинтересовался Феликс. – И что было под ней?

Саймей опять кивнул и отвел взгляд.

– Ты уверен? – спросил он брата.

– Надеюсь, что нет, – Феликс вздохнул тяжело, поднялся с ложа и опять принялся ходить по комнате. – Но ты же знаешь, мы оттуда...

Саймей не ответил. Они молчали, каждый погрузившись в свои мысли. Глава продолжал мерить комнату шагами. По старой детской привычке он при этом крутил тяжелый перстень на указательном пальце, то поворачивая камень к ладони, по возвращая его на привычное место.

– Мешает? – не выдержал Саймей, указывая на перстень взглядом.

– Он все же должен был быть твоим, – без улыбки ответил ему брат.

– Нет, Феликс, – Хранитель поднялся на ноги. – Он твой... хотя бы по праву имени.

Глава поморщился.

– Знаешь, о чем я часто молюсь, брат, – сказал ему Саймей. – О том, чтобы ты меньше походил на нашего деда.

Напряжение разом оставило Феликса.

– Ну, знаешь ли! – воскликнул он. – По крайней мере, я принял истинную веру раньше его.

Они были внуками Великого императора Конста, кто собрал своей волей первый всемирный собор и объединил земнее царство Пастуха, истинного бога нашего под дланью Церкви. Но сам же он, что знали немногие, обращен был в веру истинную только на смертном ложе. И возможно, не по своей воле, так как последние часы свои пребывал император в бреду.

– Вот грамота Посланника на твое имя, – Феликс передал ему готовый пергамент со своей печатью. – Корабль уже ждет тебя в гавани.

– Мне пора, – Саймей направился к двери.

– Я буду ждать, брат...

Феликс проводил его долгим напряженным взглядом.

Глава вторая. Посланник

Посланник прибыл ближе к трем. Он проделал долгий путь из столицы империи Визаса в Город Истины Шалем, а затем, наняв, по традиции осла, добрался до Лехема. По мнению самого Посланника, лишь этот малый участок пути, отделяющий конечную точку его странствия от Великого города, был самым приятным. Он недолюбливал воду, и плавание, пусть и на роскошном корабле, где всю дорогу Посланник провалялся на коврах, погрузившись в изучение пергаментов, не доставило ему удовольствия. Что-то сжималось внутри у него, когда взгляд опускался на серую гладь моря, подернутую пенистой рябью. Ему повезло. Поздний летний месяц, названный в честь одного из императоров – ремов, который Посланник предпочитал по-старому фарсскому обычаю звать Авом, был самым благоприятным временем для морских путешествий. Иначе нелегко бы ему пришлось в море в бурю. Он не то чтобы опасался потерять лицо высокого сановника, страдая морской болезнью, просто не любил Посланник подобных неудобств, так как они мешали ему владеть ситуацией. А Посланник всегда старался четко ею владеть, знать все детали и мелочи. Держать все под своим контролем.

На суше он чувствовал себя намного спокойнее. Он пересек Шалем с востока, от гавани на юг, молча восхищаясь Сердцем Мира. Он любил Шалем, и бывал здесь не раз. Он с благоговением шагал по камням, которых возможно касалась сандалия Пастуха, Истинного бога нашего, он не раз посещал Храмы города, где мог дотронуться до вещественных свидетельств жизни Пастуха. Он знал наперечет все лавки города, где можно было отыскать ценные древние пергаменты. Но его всегда раздражали толпы паломников, спешащих на молитву в Храм. Слишком шумно становилось на улицах Города Истины, а потому опасно. Разве уследишь за каждым в этой толпе, когда дух людской забивает нос и все поры, когда от гомона разногласного закладывает слух?

Посланник был человеком особенным. При его высоком сане, и любви к простоте в быту, он редко отказывал себе в удовольствиях. Он любил хорошую кухню, сладкие вина, женщин, ценил произведения искусства и драгоценности. Но так же легко он мог отказаться от всего этого. Шалем был для него всегда искушением, так как на улицах его всегда было много торговцев, спешащих угодить всем его прихотям. Нынче же Посланник был вынужден отказаться от своих привычек. Как отказался он от своего первоначального намерения посетить Главу Храма Шалема. Там он мог бы взять себе эскорт, как и подобало его сану. Но в то же время, по собственному опыту Посланник знал, что это может ему помешать. Дело было секретным, а потому лишние люди в нем были не нужны. Да и братья обители стали бы менее охотно делиться с ним сведениями, видя его высокий сан и охрану. По той же причине не посетил Посланник и своих друзей в Шалеме. Все это можно было оставить на потом.

И вот когда городская стена осталась позади, а перед взглядом Посланника раскинулись сельские равнины, окаймленные холмами, он понял, что душа его отдыхает. Золото полевых и зелень рощ успокаивали его после долгого и нудного странствия. Осел шел не спеша, повинаясь приказу своего седока. Посланник медлил. Ему необходимо было подумать нам тем делом, с каким послал его Глава в эту провинцию. Много странного сулило Посланнику его задание, но Феликс надеялся на него, да и сам Саймей понимал всю важность и опасность знаний, что мог он здесь получить.

Глава часто давал ему задания, из-за которых Посланнику приходилось путешествовать по всей Империи, возведенной Святой Церковью почти на всех пределах мира цивилизованного. Дела эти чаще были связаны с обнаружением пергаментов, содержащих важные для Церкви сведения о Пастухе, Боге Истинном. Посланник проверял подлинность находки, бывало, расследовал обстоятельства ее обнаружения, а иногда и трагические события, связанные с таковыми находками. Вот и сейчас Посланник ехал в монастырь, расположенный у самых

стен Лехема, дабы узнать подробности странной смерти его настоятеля. И многое другое, о чем пока ему не хотелось задумываться.

Он усмехнулся, представляя, какие слухи о нем распускают сейчас его многочисленные завистники и враги. Посланника не любили при дворе. Слишком близок он был к Главе. Его даже звали Саймей-Тень, намекая, что он, как верный хранитель, не отходит от Главы. Но у Посланника были все основания стеречь жизнь Феликса. Он искренне любил Главу, который приходился Саймею кузеном. Они вместе выросли, вместе учились. Их связывало не только родство, но и проверенное годами доверие и настоящая дружба. Это было то малое, что смог позволить себе Глава. Не единожды уже, после принятия Феликсом сана, Саймей спасал его жизнь. Ведь заговоры и интриги – вечное развлечение скучающего двора. Да и слишком желанным казался многим трон Верховного пастыря мира земного Пастуха, Истинного бога нашего.

А после последнего покушения на жизнь Феликса, когда Саймею чудом удалось поймать летящий в грудь Главы нож, Посланник собрал отряд самых верных воинов, создав стражу Главы. Он же и возглавил это подразделение, которое не подчинялось никому, кроме Посланника и Феликса. Саймей доверял своим воинам, но он беспокоился за кузена, а потому спешил закончить нынешнее задание. Монастырь уже был виден с дороги. Посланник стал понукать осла.

Секретарь ныне почившего наставника монастыря, брат Анатолий, стоял на крытой галерее флигеля, в котором располагались кельи братьев, и наблюдал за Посланником. Анатолий, как и многие другие служители Церкви, был наслышан об этом человеке достаточно, чтобы его опасаться. Саймей-Тень происходил из древнего и славного рода императоров-ремов. А прадедом его был никто иной, как Величайший из деятелей Церкви, император Конст. С Конста и началась история Империи, восстановленной Матерью-Церковью на всех пределах мира цивилизованного. Принадлежность к столь высокому роду с детства открыла перед Саймеем огромные возможности, однако мальчик поразил своих наставников, упрямо высказав желание, посвятить жизнь свою Дому Пастыря. И в том ему было дано высокое разрешение, не смотря на традиции.

По обычаям фарсов, которые в некоторых вещах переняли и Визаские ремы, старший сын благородного рода посвящался Церкви, а второй сын становился воином или политиком. Брат Саймея Айра теперь был одним из семи первосвященников, занимал почетное место по правую руку от Главы, и так же по правую руку состоял он в мистериях. Но Феликс, как это знали все, все же благоволил к младшему брату. Саймей был его ровесником и другом. Глава, будучи сам очень не глупым человеком рано заметил острый ум своего кузена, его страсть к постижению знаний, его талант историка. Саймей с благого позволения отцов Церкви написал несколько трактатов о становлении Дома Пастыря, родословную Феликса, а так же занимался восстановлением слов Божьих, на основе разыскиваемых им фраз Пастуха. Не малых успехов достиг Саймей в логике, математике, астрономии и медицине. Брату Анатолию говорили, что при этом, нет Саймею-Тени равных и в бою. Личный Хранитель Главы посвящал телу своему не меньше времени, чем душе.

И вот сейчас брат Анатолий смотрел на этого молодого и сильного мужчину с легкой завистью. Даже талиф за своей яркостью расцветки, да мягкостью ткани не мог скрыть хорошо натренированную мускулатуру Посланника, хищную грацию его движений опытного воина. Да, опасен Посланник и умом своим и навыками тела.

Саймей снял узел со спины осла, взмахом руки позволил юноше-послушнику отвести животное в загон, и оглядел двор монастыря. Бело-серые камни стен скрывали монастырь от палящего солнца и пыли, которой всегда были полны улицы Шалема и Лехема. Мозаика плит двора радовала глаз ненавязчивым узором. Тихо шелестел фонтан в центре – дань давним архитектурным традициям фарсов, что любили украшать дома и улицы Истинного города и

его предместий. Напротив въезда вставало добротное, крепкое здание, где располагались кельи братьев. Оно было опять же по давней традиции выстроено в форме буквы «П», второй этаж его был украшен крытой галереей, по низу ее поддерживали колонны, наверх вели множество лестниц. И там, наверху, стоял человек. Увидев, что Посланник заметил его, человек поднял руку в приветствии и направился к лестнице, ведущей вниз. Незнакомец шел быстро, но без лишней суетливости, в осанке его и движениях чувствовалось достоинство и некая властность.

– Привет тебе, Саймей Посланник, – сказал человек, подойдя к приезжему на расстояние двух шагов. Он не повышал голоса, не улыбался заискивающе. Он встречал Посланника, как равного.

Саймей видел ум и опыт в глазах этого святого брата. Скромно одетый, чуть полноватый, но умеющий держать себя, привыкший прятать свои эмоции от других. Святой брат был лет на двадцать старше Саймея. На лице его отражалось еще недавно перенесенное горе, но все же Анатолий сдерживал свои эмоции.

– Привет и тебе, – сказал ему Посланник. – Ты знаешь имя мое, но мне, к сожалению, не известно твое.

– Я секретарь ныне покойного настоятеля общины нашей, брат Анатолий, – представился священник. – Как проходил путь твой, Высокий Посланник?

– В пути не видел я лишений и тягот, слава Господу нашему Пастуху заблудших и прозревших, – церемонно отозвался Саймей. – Хотя я и спешил.

– Я опечален событиями, что вынудили тебя совершить путь твой, – продолжал брат Анатолий. – Скорбны дела наши.

– И Глава Церкви нашей, царства земного, Феликс Второй скорбит вместе с тобой и братьями твоими, – передал Саймей официальное соболезнование кузена. – Потому и озабочен он решением загадки печальной кончины настоятеля общины вашей.

– И столь великодушен Глава Церкви нашей, что послал Хранителя своего к нам, – брат Анатолий чуть склонил голову. – Не угодно ли тебе отдохнуть с дороги? Братья общины приготовили для тебя гостевые покои. И из окон своих сможешь наблюдать ты восход святила над главой Храма Пастуха, Истинного бога нашего.

– Я благодарен братьям, – чуть улыбнулся Посланник. – Но прежде дело. Прошу лишь тебя направить кого-то из послушников в покои мне отведенные, и сложить там дорожный скарб мой. А мы с тобой отправимся другой дорогой и не станем терять времени, надо как можно скорее разгадать загадку, так встревожившую Главу.

– Как тебе будет угодно, – брат Анатолий опять склонил голову.

Тот же юноша-послушник, что ранее отводил осла Посланника в хлев, теперь принял из рук Саймея мешок. Сам Саймей вслед за братом Анатолием пошел вдоль стены флигеля. Путь их лежал за угол здания, по дорожке, выложенной мозаичной плиткой, под сводами кустов магнолий. Они миновали небольшой сад, вышли к Храму, что возвышался величественно посредине небольшой площади. Крыша его, как и крыша Храма в Шалеме блестела золотой чешуей.

– Я проведу тебя в личный кабинет настоятеля Иокима, – сказал Посланнику брат Анатолий. – Там в прохладе и уюте сможем мы говорить без преград.

– Да, – согласился Саймей. – Не пристало тревожить братьев общины беседами нашими на столь скорбную тему.

Они опять свернули на дорожку, ведущую меж кустов. И вот пред ними показался еще один дом, выстроенный той же формой «П», из белого камня, украшенный классическими арками и колоннадой. Брат Анатолий привычно ступал по ступеням, ведущим наверх. Открыв дверь, он почтенно склонил голову, пропуская гостя вперед.

Посланник вступил в комнату и остановился, привыкая к полумраку помещения после яркого солнца. Комната была не большой, но уютной. Обставлена богато. Большую часть ее занимал огромный стол красного дерева, украшенный позолотой. Около него, спиной к затем-

ненному пологом окну стояло и кресло. Массивное, высокое, обитое бордовым бархатом, так же как и стол, украшенное позолотой. Вдоль стен раскинулись до самого потолка стеллажи, заполненные кусками пергамента или стопками желтоватых листов.

– Что это за рукописи? – поинтересовался Саймей, рассматривая стеллажи.

– Это история общины нашей, ее летопись и хозяйственные бумаги, – ответил брат Анатолий. – Настоятель Иоким уделял этому большое внимание. Во всем он любил порядок и чистоту.

– Похвальное стремление, запечатлеть дела братьев своих для истории, – заметил Посланник задумчиво.

Брат Анатолий достал крепкий табурет, обитый алым бархатом, и пододвинул Саймею.

– А есть ли в общине библиотека? – спросил тот вновь, устраиваясь на сиденье.

– Нет, Посланник, – чуть улыбнувшись, возразил ему брат Анатолий. – Мне известна твоя страсть к истории и стремление к неустанному поиску истины слов Пастуха, Истинного бога нашего. Но тут нет для тебя новых жемчужин.

– А архив? – не обратив на слова своего спутника никакого внимания, продолжал Саймей.

– Есть, – брат Анатолий кивнул, усаживаясь на такой же табурет у одной из стен. – Брат Закари занимается в общине нашей соблюдением записей.

– Хорошо, – что-то решив для себя, кивнул Саймей. – А здесь ли нашли вы тело упокоившегося ныне настоятеля Иокима?

– О да, – скорбно нахмурившись, сообщил брат Анатолий. – Утром того дня, направился я, по сложившемуся обычаю, перед заутренней службой в эту комнату за пергаментом, отец Иоким должен был оставить его здесь. В нем содержались слова проповеди, которую он должен был читать в то утро братьям на службе. Лик святила, образа Бога нашего, еще не показался над горизонтом. Я вошел. Тут было темно. И я не сразу смог увидеть...

Голос его неожиданно сорвался. Лицо секретаря стало скорбным, глаза внезапно наполнились слезами. Было видно, что брат Анатолий с трудом сдерживает себя от рыданий. Посланник подумал, что его приезд сильно взволновал отца Анатолия и тот, в ожидании допроса вновь боялся пережить все те печальные события, которые были связаны со смертью настоятеля обители.

– Серьезное испытание приготовил для тебя Пастух, истинный бог наш, – мягко заметил Посланник. – Ты так близок был с настоятелем Иокимом?

– Я был юношей, не видавшим мира дальше стен Лехема, когда пришел сюда послушником, – говорил секретарь, пряча лицо в ладонях. – Он принял меня, как отец, он сам обучал меня, заботился и оберегал. Многие смеялись надо мной, называя из зависти слугою. Не здесь... Там, на улицах Лехема, в закоулках общины в Шалеме. ... Но я был ему верным другом. Он посвящал меня в свои заботы и тяготы. Я делил с ним ответственность за братьев наших. И никогда... – голос его сорвался от сдерживаемых рыданий. – Никогда он и полусловом не обратился ко мне, как ни к равному. И ты спрашиваешь, близок ли он был мне?

Посланник плавно поднялся с табурета, шагнул к столу, где стоял кувшин. Он понюхал воду. Она оказалась свежей и чистой. Посланник наполнил чашу, сделал первый глоток, и лишь после этого преподнес чашу брату Анатолию.

– Прости меня, брат, – как мог мягко, сказал он. – Не было у меня желания и полмысли дурной обидеть тебя. Прости, что так неосторожно напомнил тебе о горе твоём.

Анатолий глотнул из чаши, благодарно сжал руку Посланника.

– И ты прости мне мою несдержанность, – сказал он. – Не пристало мне упрекать тебя...

– Я не в обиде, – Саймей погладил Анатолия по руке. – Мне так совестно пробуждать в тебе тягостные воспоминания, но у меня нет другого выхода. Хотя я уважаю скорбь твою, и всем сердцем сочувствую горю.

– В тебе и делах твоих спасение мое, – грустно улыбнувшись, сказал брат Анатолий. – Ум мой не в силах проникнуть за завесу этой страшной тайны.

– Я сделаю, все что могу и что должен, – уверил его Посланник и отошел от святого брата на шаг. – Лишь на помощь твою полагаюсь да на поддержку Истинного бога нашего, великого Судию и хранителя договора и справедливости.

– Спасибо тебе, брат мой, – Анатолий отставил чашу на пол подле себя. – Что еще ты хочешь знать?

– Продолжи свой скорбный рассказ, брат, – попросил Саймей. – Когда вошел ты в комнату, где был настоятель и покровитель твой Иоким?

– Я не сразу заметил его, – тихо продолжал священник. – Необходимый мне пергамент лежал на столе. И я подошел к нему. Поднял к глазам пергамент, чтобы понять, толи это, что велел мне взять наставник. И поняв, что не ошибся, уже хотел идти, но... – он судорожно вздохнул. – Тут что-то коснулось ноги моей. Холодное... иное... чуждое... Это была рука настоятеля нашего Иокима.

Саймей нахмурился, анализируя ситуацию. Держать здесь брата Анатолия дальше не имело смысла, иначе следующие полчаса он был бы вынужден просто его успокаивать. Да и рано еще настаивать со своими вопросами. Ему было нужно расположение секретаря, как и других отцов общины.

– Слушай меня, брат, – твердо рассудил он. – Не у меня нужды ныне волновать тебя новыми вопросами. Ступай. На плечи твои и так легло многое. Нет ли здесь еще кого-то из близких к наставнику вашему, кто мог быть при мне сейчас?

– Послушник Арам, брат мой, – немного придя в себя и подумав, сказал священник. – Он был помощником настоятеля нашего. Последние годы зрение наставника совсем испортилось, а потому в письме и чтении помогал ему юноша. Если позволишь, я позову его. Он смышлен и может дать тебе все ответы, на вопросы, какие ты захочешь ему задавать.

– Спасибо, брат, – поблагодарил его Посланник, провоя до двери. – Я буду ждать юношу тут же.

– Делай все, что посчитаешь нужным, брат, – сказал брат Анатолий. – Только найди ответы на все эти страшные вопросы.

И, склонив напоследок голову, священник покинул кабинет настоятеля.

Закрыв за братом Анатолием дверь, Саймей еще раз огляделся. Ничего не изменилось в комнате. Но все же теперь он знал много больше об этом месте. Здесь принял смерть настоятель Иоким. И здесь прилежно следует искать тайну его гибели.

Конечно, прежде всего, Посланнику не терпелось осмотреть записи настоятеля. Но он удержался от этого шага. Во-первых, его задание, выраженное лишь намеками, которые мог понять лишь он и Глава, было слишком тайным и опасным, а потому показывать свой интерес к делам отца Иокима сразу же не стоило. Во-вторых, раньше следовало все же разобраться в обстоятельствах гибели настоятеля.

Из письма секретаря, которое было переслано Главе, Посланник знал, как и от чего принял смерть настоятель. Тело его было найдено под рабочим столом, на который сейчас и смотрел Саймей. Известно Посланнику было и то, что на теле настоятеля была обнаружена всего одна рана, которая, судя по всему и привела к смерти. Это был странный след от неизвестного оружия на боку отца Иокима. Брат Анатолий в письме указывал, будто след этот похож на глубокую рану от удара чем-то острым, почерневшую по бокам.

Познания в медицине у Саймея были твердыми и полными, а потому он легко мог предположить две вещи. Первый его вывод был о том, что оружие, от которого пал настоятель, имело отравленное лезвие. От яда и могли почернеть края раны. Второй же вывод напрашивался еще легче. От любой резаной или колотой раны должна была оставаться кровь на одеяниях настоятеля и в том месте на полу, где его нашли.

Не раздумывая, Саймей прошел к столу. Кресло настоятеля оказалось столь массивным, что Посланник смог подвинуть его лишь обеими руками, напрягая мышцы.

Под столом было темно. Саймей не хотел отодвигать полог на окне. Неизвестно, кому захочется наблюдать за его действиями и с какими помыслами. А потому Посланник зажег свечи на семисвечнике, что стоял на столе и, взяв подсвечник в руки, склонился к полу.

Ковер, устилавший пол кабинета имел богатый ворс. Его украшал узор темных нитей, вышитый по светлому тону. Саймей стал внимательно разглядывать узор, в поисках бурых пятен, нарушавших стройность орнамента. Посланник обладал богатой фантазией. Он внимательно слушал брата Анатолия, и теперь мог представить себе, как лежало здесь тело настоятеля. Если отец Иоким упал на раненый бок, то вот тут среди синеватых изломанных линий и должно было быть пятно засохшей крови. Но пятна не было. Саймей предположил, что тело лежало на животе, а потом проверил ковер там, где должны были в этом случае остаться следы крови. Но и там их не было. Оставалось предположить, что настоятель упал так, что раненый бок оказался сверху. Но и тогда хоть какой-то след на ковре должен был остаться заметен. Но следов не было. Саймей нахмурился.

Что-то было не так. Посланник рассудил, что кто-то мог либо сменить ковер здесь, чтобы не смущать братьев видом крови на полу, либо... Он замер, услышав шорох за дверью. Рука сама собой потянулась к кинжалу, спрятанному в складках талифа. Осторожно он выглянул из-под стола, наблюдая, как осторожно приоткрывается дверь. Но вот в комнату, боязливо озираясь, вступил послушник. Юноша был черноволос и худ. Его фигура смешно смотрелась, закутанная в серо-коричневый талиф.

– Эй, мальчик, – тихо окликнул его Посланник.

Послушник вздрогнул всем телом и вжал голову в плечи.

– Тебе нечего бояться, – заметил Саймей, выпрямившись. – Или ты считаешь, что эта-комната наполнена духами?

– Мне то не ведомо, святой отец, – с легкой заминкой ответил юноша.

Саймей улыбнулся. Мальчик был явно не так уж и смиренен, как хотели бы видеть его братья. Анатолий говорил о нем, как об умном и сметливом. Некая строптивость юноши была тому подтверждением. Юноша немного разозлился на незнакомца, что тот испугал его вначале, а потом еще и насмеялся над ним. Он опустил глаза, но Посланник успел заметить их мятежное выражение.

– Как твое имя, ученик? – скрывая насмешку, спросил Посланник, хотя помнил, как имя его называл бат Анатолий.

– Меня нарекли Арамом, – церемонно ответил юноша.

– Скажи, мальчик, а где был ты, когда нашли тело ушедшего от нас настоятеля Иокима? – продолжал спрашивать Саймей.

– В утро то печальное, – начал юноша, уже более смело проходя в центр знакомой ему комнаты. – Я спустился во двор по лестнице, что ведет от моей кельи. И уже направлялся сюда, чтобы встретить брата Анатолия, как заведено в порядке нашем. И вот тогда я услышал его крик.

– А в который час было это? – решил уточнить Посланник.

– Еще святило не показало Лик свой миру Пастуха, Истинного бога нашего, – ответил послушник, переминаясь с ноги на ногу. – Это было где-то за полчаса до заутренней службы.

– Сядь, – приказал ему Посланник и сам опустился в кресло настоятеля.

Мальчик занял табурет, стараясь не поднимать глаз на Посланника. Саймей чувствовал, что юноше не по вкусу, что незнакомец так самовольно занял кресло настоятеля.

– И что увидел ты, когда прибежал сюда, на крик брата Анатолия? – продолжал Саймей его расспрашивать.

– Увидел я брата Анатолия, стоящего на коленях, – послушно продолжил послушник свой рассказ. – Лицо его было залито слезами, а руки его сжимали что-то под столом...

– Он стоял на коленях перед столом? – перебил его Посланник.

– Нет, – юноша впервые осмелился поднять глаза на Посланника. – Он стоял там же, где смог застать ятебя только что. Отца Анатолия трясло, он бормотал что-то и плакал, как дитя.

– Что еще ты заметил? – голос Саймей звучал более благожелательно.

– Я понял, что что-то случилось, – послушник заметно осмелел. – Я заметил руку, которая была видна из-за края стола. Я тут же узнал эту руку, так как был с настоятелем постоянно и... Я просто сразу узнал ее. ... Она откинулась безвольно, как будто... – юноша вздрогнул.

– Это и была твоя первая мысль, когда застал ты эту скорбную сцену? – тут же полюбопытствовал Саймей.

Юноша широко раскрыл глаза и уставился на Посланника со страхом.

– О нет, мальчик, – чуть усмехаясь, возразил на его не высказанный вопрос Саймей. – Я не могу читать твои мысли. Это не дано обычному смертному. Просто я умею думать. Так что же ответишь ты мне?

– Я так и подумал, – пробормотал юноша, опять устремив взгляд в пол.

– И почему? – это не столь важно было для расследования, но Саймею нравился послушник, и он желал проверить ум его на гибкость и способность ясно и быстро делать выводы.

– Настоятель наш Иоким лежал бездвижно, – начал юноша. – А брат Анатолий рыдал над ним. И хоть не видно было мне следов смерти на челе или теле настоятеля, что еще я мог думать?

– А не было ли у тебя других причин решить о кончине отца Иокима? – вновь спросил Саймей и внимательно взгляделся в лицо юноши.

– Ты... – плечи мальчика поникли, голо утратил твердость. – Ты подумал... Я?

– Не стоит, – успокоил его Саймей. – Ничего такого я не подумал, и не собирался тебя обижать. Я спрашивал иначе.

– Но тогда что? – мальчик опять поднял глаза на него.

– Ты сказал, что не было следов смерти на теле или челе отца Иокима, – напомнил Посланник. – Но что-то же еще должно было навести тебя на такую мысль. А на ковре не было пятен крови?

– Нет, отец, – взгляд юноши окрасил суеверный ужас. – Ковер тот перед вами.

– Вот как...

Саймей опять нахмурился, что заставило юношу снова вжать голову в плечи.

– О! Не надо бояться моих размышлений, послушник, – успокоил его тут же Саймей. – Меня занимает эта тайна. И пока не вижу я разгадки, буду частенько хмуриться.

– Его одежды... – начал послушник.

– Что? – Саймей даже подался вперед.

– Его одежды, отец, – повторил мальчик. – Они были обагрены. На боку. Но кровь уже высохла.

– Я очень доволен тобой, Арам, – Посланник заставил себя улыбнуться юноше, хотя душу его терзали тревожные мысли. – Пока я буду в общине вашей, не согласишься ли ты быть помощником моим и проводником?

– Это честь для меня, – с достоинством ответил послушник, но потом метнул на Саймея быстрый взгляд. – ... Прости, отец, моё невежество, никто из братьев не открыл мне, кто ты?

– Моё имя Саймей, – сказал Посланник, поднимаясь с кресла. – И, будь уверен, служение у меня будет тебе наградой.

– Значит ли это, что пост твой в лоне Церкви нашей Сияющей так велик? – в глазах юноши теперь светилось чисто детское любопытство.

– Никто не может быть велик перед лицом Пастуха нашего, Бога истинного, – напомнил наставительно Саймей. – Укажи мне путь в покои, что отведены мне братьями нашими. Я голоден. И устал с дороги.

– Все уже готово для тебя, – деловито сообщил юноша, поднимаясь с табурета. – Идем со мной, отец.

Они вышли на солнце, которое слепило глаза и казалось еще более ярким после полумрака комнаты. Посланник ступал по ступеням, чуть улыбаясь, не смотря на все свои нынешние тягостные раздумья. В Визасе архитектура зданий была немного иной, более мягкой, изящной, и все переходы были скрыты внутри зданий. В стране фарсов лестничных пролетов было, по мнению Саймея, больше, чем во всей Ойкумене, и все они были пристроены к зданиям снаружи.

Арам вел его назад тем же путем, что брат Анатолий провожал гостя к кабинету настоятеля. Опять они миновали аллеи магнолий, шагая к площади, где блестел золотой чешуей храм.

Теперь Посланнику стало понятно, что здание, мимо которого они проходили ранее, было, судя по всему столовым залом, с пристроенной к нему кухней. И весь этот комплекс в свою очередь пристроен был к общему зданию, которое увидел Посланник, как приехал. Это было традиционно. Все виденные им в южных провинциях монастыри были по сути нагромождением зданий. Обязательно соединенных друг с другом. Так было и в самом Визасе, где и на обычных улицах дома прилеплены были друг к другу, превращая улицу в узкий и опасный лабиринт, без возможностей свернуть.

Пока они проходили мимо трапезной, Саймей уловил запахи готовящейся пищи. Пусть хозяйственная часть пряталась сзади, но на храмовую площадь все равно долетали аппетитные запахи. В животе Посланника заурчало. Арам услышав этот звук, обернулся, глядя на своего нового наставника озабоченно, но Саймей лишь улыбнулся ему.

Они обошли площадь. Саймей заметил, что в тени акаций и магнолий прячутся небольшие каменные скамьи, где братья могли в тишине и мире думать о душе своей и пути, что ниспослал им Пастух, Истинный бог наш. Но вот предстал перед ними еще один дом. Такое же бело-серое, добротное сложенное здание, украшенное колоннадой с затененными арками, где прятались статуи святых и все те же каменные скамьи для раздумий и отдыха. Наверх вела еще одна лестница, по которой и стал подниматься Посланник вслед за своим проводником. Арам почти бежал впереди него, не то стремясь угодить высокому гостю, не то надеясь быстрее укрыться от послеполуденного солнца, чьи лучи, наполненные духотой не ослабевали в силе своей даже к вечеру.

Дверь в комнаты была отворена, окна не задернуты пологом. Внутри было светло и просторно. Узел Посланника лежал на ковре, утопая в роскошном ворсе. На небольшом столе ждала еда, кто-то заботливо разжег небольшой очаг, где теперь грелась вода для омовения. Еще в комнате было два табурета, на одном из которых восседал давешний встречный послушник, который заботился об осле Посланника и об узле его. При виде гостя послушник вскочил и придал лицу своему должное почтенное выражение.

– Спасибо, послушник, – чинно поблагодарил его Саймей, осматривая комнату. – Ты свободен, и можешь вернуться к своим делам повседневным, я больше не собираюсь отвлекать тебя.

– Но, святой отец... – удивленно начал растерянный юноша.

– Ступай, – повторил Посланник повелительно. – Я выбрал себе в помощники и поводыри сего юношу, нареченного Арамом. Мне он будет полезен.

Посланник указал на Арама, который застыл у входа, глядя на второго послушника с некоторым испугом. Саймей обернулся к юноше и заметил полный злобы взгляд, который метнул незнакомый послушник на его провожатого, и удивился. Не столько злобе этой, сколько тому, что Арам, явно по природе своей не отличавшийся покорностью, эту злобу принял с

каким-то смирением. Второй послушник обратил взор на гостя, чуть склонился в поклоне и вышел, не поднимая более взгляда. Посланник повернул голову ему вслед вовремя, чтобы заметить, как проходя мимо Арама, тот ущипнул его. Но юноша, перенес и такое наказание почти спокойно, только чуть сжав кулаки.

– Закрой дверь, мальчик и приготовь мне воду для омовения, – распорядился Саймей задумчиво. – Я же пока подготовлю свой наряд.

– Я могу и сам, – робко предложил юноша. – Я скор и умел. Не раз приходилось мне выполнять услугу такую для учителя моего.

Произнося слова эти, послушник расторопно сновал по комнате, готовя омовение.

– Спасибо, – поблагодарил его Посланник, распоясывая талиф. – Сделай воду прохладнее. В день жаркий не желательно мне омыwać тело теплой влагой.

Юноша кивнул и плеснул воду из небольшого бочонка в широкую чашу для омовений, приготовил тряпицу и метнулся к узлу.

– Все же оставь это мне, – Посланник отвел руки ученика. – Я не привык к слугам, Арам. И к тому же, я замотал в свой талиф, для большей сохранности, пергаменты, которыми очень дорожу.

И он начал освобождать свитки из свертка.

– Могу ли я спросить тебя, отец, что в них? – Посланник заметил благоговейный восторг в глазах ученика, когда тот смотрел на свитки.

– История народа твоей страны, – любовно поглаживая пергамент, ответил Саймей. – Что было здесь еще при правлении наместников-ремов.

Юноша застыл, не отрывая взгляда от бумаг.

– Я вижу, ты не равнодушен к чтению? – довольно улыбаясь, заметил Саймей.

– О да! – счастье горело во взоре послушника. – За то и замечен был я учителем моим и принят им.

– Ну что ж, – Посланник достал из узла баночки с маслами для умощения тела. – Если будешь верен мне и послушен, я дам тебе читать эти пергаменты.

– Не сомневайтесь во мне, отец, – порывисто заверил юноша.

Посланник улыбнулся и, протянув руку, потрепал юношу по волосам. Жест этот был непривычен юноше, но в тоже время приятен. Посланник еще не привык, что в этой суровой стране, да еще и в стенах обители, послушникам вряд ли доставалось много похвал и каких либо простых человеческих знаков симпатии.

– Пока буду я омываться, – распорядился он, – Развлеки меня разговором.

Он взял тряпицу и начал обтирать тело водой, смывая пыль дороги и усталость.

– Умным и великодушным был настоятель твой, – заметил он, видя, что от такой просьбы юноша растерялся. – Сердце его было добрым.

– Он был великим человеком в доброте своей, – отозвался юноша. – И почитал я его, как отца, и старался быть прилежным, угождать ему во всем и ни в чем не вызывать недовольства его.

– Но не всем здесь мил ты, как я заметил, – Саймей встретился с юношей взором.

– Зосим старше меня, – смиренно отвечал Арам, тут же растеряв все свое хорошее расположение духа. – И род его древнее и благороднее моего.

– Вот как, – задумчиво сказал Посланник. – Здесь в земле фарсов обычаи рознятся с теми, к коим привык я в Визасе. Хотя я читал, да и сам видел в прошлые свои приезды в вашу страну, что здесь происхождение твое определяет судьбу. Ты же из фарсов?

Юноша вздрогнул и опустил глаза. Посланник удивился. Догадаться о происхождении Арама труда не составляло. И дело даже было не в том, что он носил фарское имя. Юноша был худым и высоким, его черные волосы вились, глаза юноши были темными, да и черты лица не оставляли сомнений в его происхождении.

– Чем я обидел тебя? – спросил Саймей, обтираясь длинным белым лоскутом.

– Нет обиды в словах твоих, – торопливо произнес юноша. – Я запомнил, что ты не из Лехема и вообще не из страны фарсов, хотя только что сказал ты мне об этом. Тебе не ведомо о роде моем и о принятых здесь порядках.

– Просвети меня, ученик, – мягко попросил Саймей, умащивая тело. – Конечно, если подобные разъяснения не слишком тягостны для тебя.

– Мой род давно смирился со своим положением, – сказал юноша, и голос его окреп, налился даже некоторой гордостью. – Во времена прихода к нам, недостойным, Господа нашего в обличии его земном, фарсы отвергли его, как посланника Небес.

– Это я знаю из истории, – кивнул Посланник, надевая ярко-серый талиф. – За то были прокляты они Пастухом, и проклятье до сих пор лежит на плечах их. Но чего стыдиться тебе, ученик, ежели ступил ты на путь истинный и уверовал?

– Я уверовал, как и предки мои, – горячо подтвердил юноша. – И за то не любим род мой фарсами. Мы отвержены народом своим, потому что свернули с пути предков на путь веры истинной.

– Что так и не принята фарсами, – понял Посланник. – Теперь ясна мне твоя история. Но уж поверь, я этим удивлен. Ведь многие дома и рода вступили на путь истинный.

– Да. И многие прокляты своим народом, – подтвердил Арам. – Есть легенда, что в тот миг, как умер для жизни земной Пастух, Истинный бог наш, в миг тот, как закрыло свяtilo лик свой посередь дня, в миг, как порван был полог алтарный в Храме, Первосвященник фарсский прокричал: « Кто уверовал в стрелу огненную, тот проклят богом».

Посланник в изумлении смотрел на ученика. Это предание он слышал впервые, хотя часто бывал в Шалеме, говорил со старейшинами и торговцами пергаментами. Но никто прежде такого ему не рассказывал, а между тем эта легенда рождала много вопросов

– Ты удивил и порадовал меня, Арам, – наконец сказал Саймей. – Позже я попрошу тебя рассказать мне еще... А теперь... Что ты так смотришь на меня?

Юноша не сводил с него полного страха взгляда.

– Ты... – ученик осекся. – До слуха моего доносились слова об ожиданиях посланника Главы земного царства Церкви нашей. Но я...

– Не думал ты, что я явлюсь Посланником? – улыбнулся Саймей, и, вытащив из узла дорожную, покрытую росписью шкатулку, раскрыл ее и извлек перстень – массивную золотую печатку с огромным рубином.

– Прости мне невежество мое, святой отец, – юноша склонился в низком поклоне.

– Перестань, Арам, – благожелательно велел Саймей. – Эти почести не для меня. Мое место в тени, как часто любят напоминать мне завистники. Мало времени провожу я при дворе. Мне больше по вкусу путешествия во благо матери нашей Церкви. Преклонение твое мне ни к чему.

– Прости, отец, – юноша поднял на него взгляд. – Теперь я не могу понять, как мне вести себя.

– Просто, Арам. Как и прежде, пока ты не знал, кем я явлюсь, – и Посланник весело улыбнулся. – Долго нам с тобой придется пробыть вместе, и ни к чему нам все эти церемонии.

– Как тебе угодно будет, – ученик робко улыбнулся в ответ.

– Именно так мне и будет угодно, – уверил его Посланник. – Послушай, как я уже сказал, я здесь могу задержаться. И ты мне будешь нужен постоянно. Ты бы мог быть при мне? И для моего удобства, и для благополучия твоего.

Юноша чуть опустил голову, но опять Саймей успел заметить выражение его глаз. В них почему-то промелькнул страх.

– Я благодарен тебе, отец, – все же сказал он спокойным голосом. – За такое предложение. И я согласен. ... – и тут все же он решился откровенно поделиться своими мыслями. – Страшно мне было в покоях учителя моего в последнее время.

– Что же навлекло страхи твои? – спросил серьезно Саймей, присаживаясь за стол. Но тут же понял он, что не следует покамест задавать такие вопросы, чтобы не напугать мальчика еще больше. – До службы вечерней и трапезы не далеко, давай же лишь перекусим за разговором.

На низком столике, более подходящем для письма и чтения, стояло широкое блюдо с финиками, лежали хлеба, стоял графин с виноградным соком, второе блюдо было наполнено фруктами.

– Итак, поведай мне, ученик, – велел Посланник, разделяя хлеб. – Как же ты был избран учителем своим. Сдается мне и эта история будет мне интересна.

– Надеюсь, что прав ты, отец, – принявшись чистить гранат, заметил юноша. – Я и не думал о том, что жизнь моя свяжется с Домом Пастыря. Отец мой богат детьми, но потому он вынужден много трудиться, чтобы прокормить семью. Пока матушка моя и сестры ведут дом и огород, братья ездят по городам Эреца с посудой, которую изготавливает сам отец и старший из братьев. Я самый младший в семье. Но мне повезло. Я легко сам научился писать и читать, и как только мне пошел двенадцатый год, так приставил меня отец к ведению счетов. Там и нашел меня учитель, – улыбка озарила лицо Арама. – Он пришел расплатиться за утварь, что отец для общины ваял. У учителя уже тогда было слабое зрение, вот я ему и помог. Он тогда так удивился! Позже он еще навещал нас, и всегда находил время поговорить со мною.

– Когда же он взял тебя к себе? – спросил Саймей.

– Два года тому назад. Это произошло во второй декаде тишрея, – сказал юноша. – Было мне тогда четырнадцать.

– Что ж, прав я оказался, – сказал Посланник, пробуя финики. – История твоя увлекательна. Ты хороший рассказчик. А скажи мне, ученик, много ли за тебя смог отдать отец общину добра?

– Ничего, – тихо, понурившись, сказал Арам.

– По истине, велик в доброте своей был настоятель, – довольно заметил Посланник.

Общины жили за счет выкупа, который платили семьи за своих детей, посвятивших жизнь Богу. Что-то в этом казалось всегда Посланнику не верным. Он больше ценил ум, чем богатство. Возможно, он так размышлял потому, что сам никогда не знал ни в чем отказа. Но рассказ юноши и правда был для него интересен не только из-за возможности поразмышлять о том, как по-разному складывается жизнь. Это давало новые знания об отце Иокиме. Уже двоих встретил Посланник в общине, кто был благодарен погибшему настоятелю за доброту. Причем оба они искренне отзываются об умершем. Так что добрые дела, похоже, были для настоятеля не показными. Наверняка так пойдет и дальше. Тогда задавать кому-либо вопрос о возможных неприятелях отца Иокима в общине будет неуместно.

– А много ли людей в общине? – решил он сменить тему.

– Более восьми дюжин, – отозвался Арам.

– Много ли среди них фарсов?

– Таких, как я наберется десятка два, – спокойно сказал юноша, эти разговоры уже не смущали его.

– А остальные?

– Много ремов здесь, – продолжал Арам. – Есть и парисы, и арибы.

– Что ж, – Посланник позволил себе улыбку. – Община ваша пример того, что все мы равны перед ликом Пастуха, не взирая на облик и род. Настоятель твой был ремом?

– Да, как и все старейшины общины, – юноша отвечал охотно, но не из желания угодить, а потому, что освоился в обществе Посланника и чувствовал себя в безопасности. – Только брат Закари из фарсов...

– Хранитель записей? – тут же уточнил Саймей.

– Он, – кивнул мальчик. – Да врач нашей общины брат Веспас. Он из парисов.

– Брат Веспас осматривал тело покойного учителя твоего? – Саймей был доволен собой.

Похоже, ему удалось найти с юношей общий язык, хотя вообще-то ему не часто приходилось подолгу беседовать с послушниками.

– В тот печальный день, – стал рассказывать Арам. – Как только понял я, что путь земной для учителя закончен, то поспешил к отцу Веспасу. Я не надеялся, что он сможет его вернуть, просто я настолько испугался тех пятен на одежде наставника...

– Ты правильно поступил, Арам, – успокоил его Саймей. – А что сказал брат Веспас, взглянув на тело усопшего?

– Яд, – тихо вымолвил Арам. И Саймей понял, что юноша опять замыкается в себе.

– Прости меня, мальчик, – мягко сказал он. – Не пристало мне так мучить тебя, все время напоминая тот страшный день. ... Давай пока оставим эти печальные темы. Я благодарен тебе, что ты очистил сей фрукт.

Саймей зачерпнул горсть ягод граната, положил их в рот и прикрыл глаза от удовольствия.

– Не пристало верующему так наслаждаться пищей, – заметил он, прожевав ягоды и выплюнув в ладонь косточки. – Но я не могу иначе, грешен. Знаешь ли ты, Арам, что нет нигде гранатов, вкуснее тех, что растут в стране фарсов? Помнится мне, как впервые пробовал я эту по истине божественную пищу. Мне было шесть, когда привез меня отец в Шалем в паломничество. После многодневного поста желудок мой сводило от голода, и о пище думал я больше, чем о благодати божьей, ожидавшей меня. После того, как я отстоял ночь в Храме, мы вернулись в наши покои, блюда были расставлены по столу и радовали сердце мое. Ох, наелся я тогда! Но после... После отец очистил для меня гранат. И до сих пор помню я тот божественный вкус. Знаешь, что я сделал? – заговорщески улыбаясь, спросил он юношу. Тот так же весело улыбнулся в ответ и помотал головою. – Ночью я пробрался на кухню и съел около дюжины гранатов.

Глаза юноши округлились.

– Как плохо мне было, Арам! – рассмеялся Посланник. – Отец сутки не отходил от меня, обтирая тряпицей, и давая мне насильно рвотный корень.

– Он наказал вас? Ведь чревоугодие – страшный грех! – юноша даже подался вперед, слушая Саймея.

– Нет, – тот помотал головой, отправив в рот очередную горсть ягод. – Он сказал, что я сам наказал себя.

– То было наказание божие, – серьезно сказал Арам.

– Послушай первый урок мой, ученик, – весело сверкая глазами, велел Саймей. – Есть в мире Божие, а есть человеческое. И чаще человек сам наказывает себя за свою несдержанность. И осознание ошибок своих приближает его к Престолу Господнему больше, чем наказание иное.

Юноша задумался на время, а потом серьезно, даже торжественно, кивнул главою. Довольный учеником Саймей опять потрепал его по голове.

– Ладно, Арам, – вставая из-за стола, сказал он. – Много дел у нас, которые не ждут отлагательств. Сегодня после службы вечерней и трапезы мы пойдем с тобою к брату Веспасу. Но, слушай, я не буду сердиться на тебя, если ты решишь остаться здесь. Это все явно слишком тягостно для тебя.

– Прости, но нет. Я не останусь в стороне, – решительно сказал юноша. – Учитель мой был добр ко мне и в душе моей живут лишь светлые воспоминания о нем. И в память о нем, я должен узнать правду о его смерти. ... Чего бы мне этого не стоило.

– Ты уверен? – очень серьезно глядя на ученика, спросил Саймей.

Арам уверенно кивнул, даже не раздумывая.

– Ладно, – Посланник немного нахмурился. – Скажу тебе откровенно, Арам. Я собирался брать себе в помощники кого-то из старших братьев, чтобы тебе не доставлять лишних страданий. Но если уж ты так уверен ... Но учти. Тебе придется беспрекословно подчиняться мне. А мои приказы могут быть для тебя крайне не приятны.

Юноша еще раз упрямо кивнул, соглашаясь на его условия.

– Что ж, – Саймей еле заметно улыбнулся уголком рта. – Похоже передо мною представитель не только древнего, но и славного рода.

Юноша порывисто поднял взгляд на него, и такая теплота и радость была в его взоре, что Посланник даже растерялся.

– Позже я прошу тебя больше поведать мне о роде твоём, – попросил он юношу, зная, что это доставит ему радость. – Но это в другой день. Сегодня, после встречи с братом Веспасом, мы заново и тщательно осмотрим кабинет учителя твоего. Мы разберем свитки и сложим их обратно, как должно. Боюсь, все время до ночной службы у нас будет занято.

– Я готов, – сообщил ему юноша, убирая блюда.

– Идем, – велел Посланник. – Пока будем трапезничать, я уверен, мы окажемся под пристальным вниманием твоих братьев. Смотри и ты за ними. Будет интересно.

И с этими словами Посланник покинул комнату.

Шагая к открытым дверям Храма, Посланник привычно поднял взор на чашу, что была вырезана в камне над входом. Этот символ благодати господней украшал каждый дом его, здесь в общине он был покрыт позолотой, и блестел в лучах святила. В душе Саймея зарождалось ощущение чуда и радости приобщения к нему. Некое почти детское предвкушение встречи с волшебством охватило его, как бывало с ним всегда при вступлении в Храм Пастуха, Истинного Господа нашего. Внутри было сумрачно и прохладно. Каменная кладка стен стойко противостояла духоте, создавая внутри Дома Пастыря ощущение благодати.

Они миновали небольшой узкий предбанник, совершенно лишенный мебели, и от того казавшийся странно пустынным, будто грань, отделявшая мир светский от духовного откровения, таящегося там, в сердце Дома. Посланник окинул взором это пустынное пространство: белые стены, колонны и скудную роспись. Эта часть Храма была предназначена для женщин. Но таковых не было в общине сей.

В родном Визасе, да и во многих провинциях, где доводилось бывать Саймею, особенно в северных землях империи, к женщинам относились терпимее. Бывал Посланник в общинах, где женщин допускали в первые пределы Храма, и где они получали право жить в общине вместе с мужами своими и даже ели в общей трапезной за отдельным столом. Ведь Пастух, Истинный бог наш, допускал разговоры с женами, и если не ровнял их с мужами, то признавал и их право на веру.

Но здесь в стране фарсов такого быть не могло. Слишком велика была здесь сила обычаев предков. Муж этой страны понимали жен, как вещи, и не оставляли за ними прав. Посланнику такое отношение претило. Он видел в женах красоту, нежность и тепло, которым они способны согреть и постель мужа и душу. Он всегда был ласков с женами. Однажды Феликс даже зло пошутил над ним, сказав, что Саймей мог бы запереть своих наложниц в псарне, и они бы вопили от радости, так как Посланник заботится о них так же, как о своих собаках. В этом была доля истины. Саймей никогда не был жесток ни к женам, ни к животным. Он считал, что недостойно мужа наносить обиду тем, кто слабее.

Миновав всего несколькими шагами первый предел, Посланник с Арамом вступили в алтарный зал. По белесым стенам плясали тени свечей, таинственно блестела роспись позолотой, опоясывая залу, вилась колоннада, в нишах было пусто. Не украшали Храм ни статуи, ни другие изображения Пастуха. Не было здесь и скамей, какие привычно было наблюдать Саймею в Визасе. От пустоты этой Храм казался более суровым и величественным. Но это

рождало в душе Посланника некое тревожное чувство, сродни страху перед Истинным Богом, какое и ранее он испытывал в храмах земли фарсской.

Неприятно кольнуло сердце его и ощущение отверженности и чуждости. Посланник рассчитал все так, чтобы войти в Храм перед самым началом службы, и не привлекать взглядов братии. Но надежды его не оправдались. Стоило ему вступить в залу и встать смиренно у колонны, как взоры всех присутствующих оборотились к нему. Именно под этими взглядами и почувствовал он себя чужаком. Одни смотрели на него с завистью, замечая стройное крепкое тело и красивое лицо, другие – с опаской, а некоторые – даже с подозрительностью. Саймей заставил себя мысленно отстраниться от того впечатления, какое испытывал под этими взорами, и принялся сам рассматривать присутствующих.

Арам говорил ему, что в общине много ремов, но то были ремы иные. Ремы страны фарсов – дети завоевателей, смешавшие кровь с народом этой местности, они даже внешне были отличны от Саймея. Им была чужда его осанка воина, оливковый загар кожи, гладко бритое лицо, прямые черные волосы и цвет глаз, похожих на янтарь. Посланник так же отметил, что фарсы, а их тут тоже было не мало, по обычаю своему любого иноземца принимали сурово, ибо слишком сильна была в них память обо всех завоевателях, веками зарящихся на их земли.

Парисам Посланник был ближе всего. Этот народ в строгости нрава своего был близок к фарсам, но более других ценили парисы дух некоего товарищества, воспитанный этим воинственным народом в своих отпрысках. Саймей ценил в них умение принимать противника или друга, как равного в любых условиях их жизни.

Заметил Саймей в толпе, наполнившей залу и нескольких арибов. Они отличны были от остальных братьев темнотой кожи и благородной красотой черт, ладным сложением и грацией. Арибы никогда не были склонны сразу составлять мнение свое о новых людях, а потому взоры их были задумчивы.

Посланник последний раз обвел храмовую залу взглядом и опустил чинно голову в приветствии, а после, молитвенно сложив ладони, приготовился слушать службу, устремив глаза к алтарю. Тут же из-за полога вышел священник в черных одеждах и прошествовал прямо к Саймею. Он был не молод, лет более пятидесяти, но еще крепок здоровьем. В серых глазах священника светилось осознание собственной значимости гордость, вызванная им, подбородок был немного поднят, что придавало его полноватому лицу вид надменный. Подступив к Посланнику, он молвил с мягкой, чуть неестественной улыбкой.

– Позволь, Высокий гость наш, выразить радость мою и братьев моих о том, что ныне ты с нами. Сердце мое греет мысль, что Глава земного царства Пастуха, Истинного бога нашего, направил в сею скромную общину столь близкого к себе человека, дабы оказать помощь нам в печалях наших по кончине настоятеля Иокима.

– И я рад находиться здесь, в кругу братьев моих, – с достоинством и некоей даже царственностью, подобающей случаю, молвил Саймей в ответ.

– Имя мое Исса, и ныне братья возложили на плечи мои сею радостную и почетную обязанность служить в Доме Пастыря, после кончины печальной настоятеля, ибо я был близок ему, – продолжал священник, немного утратив вид надменный. – Но сан твой велик, а по сему, не окажешь ли ты честь братьям, сменить меня на сеём посту, пока пребываешь в общине нашей?

– Это честь для меня, – отвечивал Посланник, чуть склонив голову. – Но, как видишь, брат, хоть сан мой велик, но ношу я одежды серые, а по сему не веду служб и проповедей. Пусть же пост высокий и ныне остается за тобой, как решили братья наши. Я же сочту радостью светлой находиться в кругу их, как равный.

Священник коротко кивнул.

– Так не станем же доле задерживать службу, – распорядился Саймей и опять устремил взор на алтарь. Священник шагнул обратно, готовый начать службу.

Саймею было пять лет в тот светлый день, когда впервые вступил он под своды Дома Пастыря. И так поразило все существо его чудо и красота места присутствия Духа и Веры Пастуха, истинного бога нашего, что он навеки решил связать жизнь свою с ним. Посланник помнил то волшебное чувство, будто душа его раскрылась навстречу Господу и Слову его, помнил, как переполнял его благоговейный восторг, как чудилось ему, будто Длань Пастуха коснулась ласково сердца мальчика. Ощущения эти были столь сильны и прекрасны, что Саймей желал всей душой своей пребывать в лучах Духа Господнего вечно.

И по сей день, стоило Посланнику переступить порог Дома Пастыря и услышать первые звуки службы, как то всепоглощающее чувство благодати, охватывало его вновь. Он стоял в кругу братьев Лехемской общины, и все тревоги его исчезли, забылись тяжкие думы, неприятные давешние ощущения покинули его, все плохое покинуло память его, а душа Посланника пела и молила, чтобы благодать эта длилась и длилась.

Братья воспели гимн Светилу, Лику Пастуха, истинного бога нашего. После были вознесены речи молитвенные в защиту души покойного настоятеля Иокима, чей дух, теперь, после девяти дней минувших со смерти святого отца, начал подниматься ввысь, на суд Пастыря. И после всех должествующих молитв и обрядов, служба была завершена.

Будто очнувшись после благодного сна, с сожалением и болью в сердце, Саймей стронулся с места, и, кинув прощальный взгляд на алтарь и полог, развернулся и покинул Храм.

Глава вторая.

Новые части головоломки.

Зал трапезной был обширен и сумрачен, как и пределы Храма. И так же витала здесь прохлада. Не смотря на то, что все окна были открыты, духота не проникала сюда, оставаясь на мозаичной плитке террасы. Здесь стояли восемь длинных узких столов, и по обычаю, за каждый из них, усаживались трапезничать по тринадцать человек. Так же на вечерах своих трапезничал сам Пастух с братьями своими, отдыхая после мистерий. Пять столов и длинные скамьи подле них занимали послушники с наставниками своими. Еще три заняли под трапезу старшие братья. Еще один, девятый стол стоял на небольшом возвышении, за ним принимали пищу руководители общины.

Посланник остановился при входе, чуть ступив в сторону, чтобы не мешать братьям. Он втянул носом запахи специй и ужина, осмотрел наполняемую народом залу.

– Брат мой, – раздался рядом низкий голос. – Позволь пригласить тебя разделить хлеб наш.

Саймей обернулся на высокого, рослого человека, одетого в простой коричневый талиф. Незнакомый брат был бледен и смущен, он неуверенно переминался с ноги на ногу. Огромной натруженной дланью брат указывал на тот стол, что размещался на возвышении. Саймей улыбнулся. Ему нравились такие простые, чистосердечные люди, которые чураются всяких церемоний и интриг.

– С радостью, – сказал Саймей. – Тем более, что Арам, мой ученик, сказал, что раньше и он занимал место там возле настоятеля.

– Это правда, – его новый знакомый явно обрадовался и почувствовал облегчение. – Хорошо, что ты приехал, брат. Все эти дни ни Арам, ни брат Анатолий не выходили к нам. Они принимали пищу в своих покоях в знак скорби. Теперь же все по старому.

И он опять смутился от того, что так открыто высказал высокому гостю свои мысли.

– Зови меня Саймеем, – предложил ему Посланник, надеясь, что это вернет брата в хорошее расположение.

– А я брат Маркус, – представился провожатый Посланника. Не смотря на мощную фигуру свою, он ловко лавировал по зале, огибая братьев и столы.

– Рад познакомиться, – искренне ответил Саймей. – А каковы обязательства твои в общине?

– Я слежу за хозяйством, – обрадовавшись, что высокий гость интересуется его скромной персоной, с улыбкой ответил Маркус. Он по-прежнему держался очень просто и открыто, что очень нравилось Саймею.

Они подошли к возвышению, где за столом уже вкушали трапезу семеро братьев. По традиции место посредине было пусто. Его занять сможет лишь новый настоятель, по прошествии сорока дней со смерти прежнего. Тут же увидел Посланник и брата Иссу, сидящего по правую руку от центра, брата Анатолия, скромно не поднимающего взор от стола. С краю по правую руку сидел и послушник Зосим, встреченный давеча Посланником. При виде гостя тот привстал и поклонился, как и подобало послушникам. Но почему-то это получалось у него неестественно. Как-то заискивающе. Посланник поморщился, а Маркус, заметив это опять смутился.

Остальные четверо были Саймею не известны, но это не смущало его. Он еще раз улыбнулся брату Маркусу, давая понять, что он ему более приятен, чем ученик Зосим с его манерами, и сделал приглашающий жест, давая понять, что Маркусу пора занять свое место за столом.

Невысокий полноватый священник, по виду своему парис, проворно вскочил, пропуская брата Маркуса ближе к центру. Его движения были скоры, но на удивление точны. Короткие волосы париса вились мелкими кудрями, а на круглом лице блестели почти черные удивительные глаза. Посланник подождал, пока братья рассядутся, а после занял место возле этого незнакомого брата. Он подвинулся, давая присесть и ученику своему.

– Учитель, – продолжая стоять, обратился к нему Арам тихо. – Позволь принести тебе трапезу?

– Хорошо, мальчик, – согласился Саймей. – Я буду ждать тебя. И не забудь про себя, ты слишком худ, и тебе требуется хорошо есть.

Арам кротко улыбнулся, довольный его заботой и пошел к большому столу, ранее не замеченному Посланником в нише, где стояли большие блюда с пищей.

– Ныне траур у нас, – в полном молчании своих сотрапезников, сурово обратился к Саймею старик, сидящий по левую сторону от центра. Его глаза были так блеклы, а борода столь седа, что Посланник затруднился бы считать его возраст. – А по сему мы блюдем пост. Нет мяса за столом сим. Как и вина.

– Я разделю с братьями и скромную пищу, что послал на сей день нам Пастух, Истинный бог наш, и траур, ибо так же скорблю по нашему брату Иокиму, – мягко сказал Саймей. – А что до вина, так зелье сие не во вкус мне.

Старик довольно кивнул и вернулся к своей трапезе. Было похоже, что он живет в своем отдельном мире, где все четко распределено по местам и все вещи имеют свое однозначное название, и вся жизнь движется по правилам.

– Прости нашего брата Закари за не почтение, – тихо сказал Саймею парис. – Он стар и слишком привязан к обычаям народа своего.

– Я не обижен, – так же тихо отвечив Саймей. – Я лишь гость здесь, и не мне мешать порядкам, не мне ругать нрав хозяев. Да и не хотелось бы мне начинать свое дело здесь со скандалов.

При этом Саймей не удержался и метнул подозрительный взгляд на послушника Зосима, который в тот момент жадно и подострастно прислушивался к словам отца Иссы.

– А получится? – усмехнулся парис, наблюдая за Посланником.

– Лучше получать помощь от людей, отданную добровольно, чем выбивать ее приказами или шантажом, – поделился Саймей.

– Истину про тебя говорят, Саймей – Тень, – с улыбкой заметил парис. – Твой путь в делах светских мог бы быть столь же долог и вел бы так же высоко, как и тот, что ныне ты избрал по себе.

– Твои оценки лестны мне, – Посланник дружелюбно улыбнулся в ответ. – Но и о тебе я слушал славные отзывы, брат Веспас.

Довольный парис опять усмехнулся.

Посланник отвлекся от беседы с ним, чтобы кивком и улыбкой поблагодарить Арама, установившего перед ним блюдо с ароматными яствами, и проследить, чтобы юноша сам не пренебрегал пищей. Вечерняя трапеза состояла из шпината с изюмом и семенами пинии, артишоков во фритюре и овощного кугла. Саймей с удовольствием принялся за еду.

– Надеюсь, те славные отзывы поступили от этого юноши, – кивком указав на Арама, продолжал парис в той же дружественной манере. – Я высоко ценю этого послушника, и сам желал бы видеть его в учениках своих. У него сметливый ум и быстрые руки.

– И верный глаз, – дополнил Саймей, потрепав смущенного похвалами юношу по волосам. – В твоём ремесле, брат Веспас, это особенно важно. ...

Он собирался сказать еще что-то, но остановился, заметив взор брата Иссы, направленный на него. Пришлось забыть и об еде, чтобы уделить все внимание священнику.

– Я хотел бы просить у тебя соизволения, Высокий Посланник, узнать, – пространно начал брат Исса. – Отчего при твоём высоком сане ты носишь серый талиф и не желаешь служить в Храме?

Брови Саймея скользнули вверх в насмешливом удивлении. Таких, как брат Исса, он повидал и при дворе Феликса. Эти священники жаждали не благодати божьей, а власти при его земном троне. Искусство интриг, лицемерия и грязных игр они знали лучше, чем Слово Господне. Посланник таких презирал. Они вызывали в нем какое-то чувство, сродни брезгливости, какое бывает, когда смотришь на больных детей, выпрашивающих милостыню на площадях, и жадно пересчитывающих полученные монеты.

Такое же чувство вызвал у Саймея и брат Исса. Эти его слова, которые при иных обстоятельствах могли бы быть похожи на насмешку, здесь звучали, как попытка лести. Как если бы священник сожалел, что его брат по вере не полностью оценен Главой.

– Бывает, простой раб своей праведной жизнью служит Пастуху, истинному богу нашему исправнее. Чем Глава его земного царства, – спокойно, но твердо ответил Саймей. – Господь наш создал мир так, чтобы каждый в нем нашел свое место и свой путь к Свету.

– Значит ли это, что ты доволен своей участью? – как ни в чем ни бывало, продолжил брат Исса.

– Господь доволен мною, – тут уже в голосе Посланника звучала явная угроза. – И Глава. Почему же я должен быть недовольным?

Брат Исса замолчал. Он испугался. Саймей усмехнулся. Он любил ставить таких на место. Наверняка этот священник метил в кресло настоятеля и желал бы заслужить лестью поддержку Посланника. Или он знал, что его поддержат братья, и кресло настоятеля все равно будет его. Тогда он надеялся поставить Посланника в зависимость от себя, требуя от него отчетов. А сейчас брат Исса просто пробовал почву. В любом случае этот разговор что-то да значил. И Посланник был уверен, что вскоре последует продолжение.

– Коли говорил ты о помощи, что надобна тебе будет, – почти шепотом обратился к нему парис, не отрываясь от пищи. – То имею я уверенность, что ко мне первому ты и обратишься, брат мой Саймей.

– Верно, – так же тихо ответил ему Посланник, переглянувшись с Арамом, который за все это время не проронил не слова в беседе. – Почему-то думаю я, что сообщишь ты мне многое, что прольет свет на загадку гибели отца Иокима.

– Я слышал, будто в медицине ты, Саймей-Тень, силен не меньше, чем в истории Слова Пастыря нашего, – продолжал брат Веспас. – Значит, тебе не составит труда оценить мой рассказ, да и умение твое облегчит нашу беседу.

– Тогда я приду к тебе по окончании трапезы, – сказал Посланник. – В покоях твоих будет нам удобнее, да и не смутим мы беседой остальных братьев.

– Это будет предусмотрительно, – заметил парис, запивая еду соком винограда.

Посланник так же потянулся за своим кубком, отпивая сок, он увидел, что еще один священник ждет его внимания. Это был мужчина лет сорока, стройный, но склонный к пухлости. Внешность его была не выдающейся. В нем легко угадывалась принадлежность к народу ремов.

– Я заведу в общине нашей просвещением послушников, – голос у священника оказался на удивление приятен и мягок. Такой бывает у учителей, кто ежедневно привык наставлять отроков. – И я, как и все мы, многое слышал о тебе.

Посланник отставил кубок с некоторой усталостью. Он ожидал еще одной словесной баталии.

– Меня зовут братом Лукасом, – продолжал священник. – Прости, что не сказал сразу. Мне-то твое имя известно. ... Так вот, брат Саймей, не скажешь ли мне, где бывал ты раньше?

– Я объездил почти всю империю, – осторожно ответил Посланник.

На лице священника промелькнула улыбка, видимо, он заметил осторожность гостя.

– Мне интересно знать, как в иных провинциях воспитывают послушников, – объяснил он. – Я слышал разное, но...

– Это трудный вопрос, – с некоторым облегчением заметил Саймей. – Рассказать я могу многое. И если ты непротив, я с удовольствием зайду к тебе и ты задашь мне все вопросы. На какие хочешь знать ответы.

– Именно об этом я и хотел тебя просить, – оживился брат Лукас. – Тебе как никому известно, брат Саймей, насколько разной была история становления Церкви Пастуха, истинного бога нашего в разных землях. И традиции везде разные...

– Я понимаю тебя, – Посланник искренне улыбнулся священнику. – Мне и самому было интересно узнавать о различных традициях и нравах в тех провинциях, где я бывал.

– Если уж речь зашла об обычаях, мой ученик, послушник Зосим, тоже хотел бы обратиться к тебе с вопросом, Высокий Посланник, – молвил брат Исса с некоторой значительностью в голосе.

Чуть было налаживающееся настроение Саймея опять упало.

– Отчего же и нет? – Посланник не удержался от насмешливой улыбки. Брат Исса очень спешил утвердить власть свою уже нынче. И по его приказу встречал его давеча послушник Зосим, и сейчас, именно святой отец подготовил Зосима к беседе за трапезой.

– Скажите, святой отец, – хорошо поставленным голосом, с долей заискивания и подбострастия, начал послушник. – А правдивы ли слухи, будто в Визасе принято возлежать у стола, принимая пищу?

– Нет у меня уверенности, что обычай этот, повсеместен в домах столицы, – начал с охотой рассказывать Саймей. – Традиция пошла из Рема. И многие знатные люди в Визасе, после того, как столица империи нашей была перенесена в мой родной город, переняли и таковой обычай. Но никто не принуждал людей есть столь неудобным образом. В доме отца моего, где следуют светским обычаям, две трапезных комнаты. Многие гости предпочитают есть лежа, как и отец мой. Но другие гости едят за столом, как предписывает обычай трапезничания, заведенный Пастухом, истинным богом нашим.

– Варварский обычай у ремов Визасских, – возвестил брат Исса. Оглядывая братьев, и тон его был неприятен.

– Что ж, – спокойно отозвался Посланник. – Удивлены будут братья мои, коли расскажу я им, что обычай страны фарсов тоже в Визасе кажутся чудными.

За столом воцарилось молчание. Брат Исса, поджал тонкие губы в неудовольствии, но и выступать против слов Посланника он не решился. Зосим был испуган, ведь именно его вопрос привел к этой странной ситуации и испортил атмосферу мирной трапезы.

– У каждого народа свои обычаи, – тихо сказал священник, сидевший по правую руку от брата Иссы. – Мир древен, и до прихода на просторы его Пастуха, истинного бога нашего, все жили по тем правилам, что оставлены им предками. И мы не можем хулить или славить обычаи, так как Пастырь завещал нам уважать предков наших и память их.

Всю эту речь священник посвятил отцу Иссе, но, закончив слово, посмотрел он на Посланника с улыбкой понимания. Саймей кивнул ему и тоже чуть улыбнулся.

– Это брат Беньямин, – тихо сказал Арам, не отрывая взора от стола. – В общине нашей он заведует поступлением податей и расходами братьев.

Посланник чуть поднял брови в удивлении. Брат был не молод. Как и большая часть руководителей общины. На вид дать ему мог Саймей лет около пятидесяти пяти. Фигура брата Беньямина была суха и пряма, взгляд умен и доброжелателен, какой бывает у человека мудрого, а потому в себе уверенного. Худое, чуть вытянутое лицо брата украшали редкие светлые волосы, не знавшие порядка, в прядях блистала седина. А глаза у него были необычного для этой земли, голубого цвета. Саймей видел в брате Беньямине хорошего собеседника и умелого наставника, но никак не мог предположить, что этот человек заведует казной общины. Не было в нем и намека на сухость и жесткость, присущую всем казначеям, каких раньше довелось встретить Саймею. Не было в нем и некоей властности, что всегда есть у людей, имевших в распоряжении чужие деньги.

– Ежели разговор наш зашел об обычаях, – Посланник обращался только к казначею, давая тем самым понять, что принял речь его, как извинение за всех братьев, участвовавших в напряженной ситуации давеча. – Так позволено ли мне будет узнать, одну вещь, что интересует меня? Обитель эта восходит историей своей к временам близким к земной жизни Пастуха, Истинного бога нашего. И я чту и понимаю обычаи братьев моих. Но в Городе Истины уже видел я, как изменил облик свой Дом Пастыря. Приемлемы ли новшества и в вашей общине?

– Ты говоришь о куполе, что возведен над главой Храма? – уточнил брат Биньямин. – Знакомо мне из летописей, что его надстроил над домом для молитв еще потомок брата земного Пастуха, Истинного бога нашего Ариил. А потому традиция такая мною почитаема. И брат наш Лукас разделяет ее. После окончания поста по гибели настоятеля нашего Иокима мы обсудим вопрос с братьями, но будем настаивать на украшении Дома Пастыря.

Брат Лукас, кивнул в подтверждение.

– И думаю, что среди них многие примут такое новшество, ибо я рассказывал им историю обычая сего, – заметил он.

– А в северных землях империи, – продолжал рассказывать Посланник. – Храмы имеют строение иное. Они будто стремятся ввысь, легки и высоки. Архитектуру их можно назвать стройной и изящной. Сказывается влияние граксов, которые владели теми землями раньше.

За столом началось спокойное обсуждение архитектуры и истории граксов, ведь и здесь в земле фарсов тот народ оставил свой след. Посланник же вернулся к трапезе, обдумывая что-то свое.

До конца трапезы не проронил он больше ни слова. Мысли его заняты были братьями его по вере, с кем разделил он стол и хлеб. О каждом из них узнал Саймей и много и мало. Он легко понял, что брат Исса займет место настоятеля в любом случае, даже если будут и другие старейшины желать этого места. Он амбициозен, нетерпелив, иногда даже груб в методах своих. Но брат Исса и хитер. Где не имеет силы слово его, там ищет он другие пути для собственной выгоды. Посланник с грустью подумал, что при таком настоятеле общину ждут перемены, которые многим могут прийти и не по вкусу.

Однако, если при казне останется брат Беньямин, то именно этот человек с блестящим умом и талантами сможет сдержать брата Иссу. Казначее самому надлежало бы занять место настоятеля, но, как заметил Посланник, этот брат его по вере больше привык оставаться в тени. Даже в нынешней беседе, что перетекла на обсуждение дел общины, брат Беньямин больше слушал, чем говорил. Саймей уверен был, что не высказанные мысли казначея при этом разнятся со словами его братьев, и что в будущем именно его решения станут главенствующими. Молчал за столом и брат Маркус. Он был прост и доверчив, он слушал, а на лице его застыло волнение. Брат понимал, что дела обсуждаемые по большей части станут трудами его, а потому старался все запомнить, чтобы в будущем не осталось у него забот не замеченных. Брат Закари изредка вступал в беседу, диктуя истины из Слов божьих, либо же, напоминая об обычаях. Пусть разум его уже близок был ко сну старческому, но память сохранила в точности все, что почитал брат Закари важным для жизни общины по канонам. Брат Веспас поражал приятно Посланника добрым нравом своим и меткостью замечаний. Говорил лекарь всегда неторопливо, будто придавал особый смысл словам своим, особую весомость. В речах его, истинно, пребывал смысл, и братья прислушивались к нему, при том, что тон его был легок и не настаивителен, и это вызывало расположение к брату Веспасу.

Когда же блюда опустели и братья насытились, возвели они хвалу Пастуху за хлеб, ниспосланный к трапезе. А после потянулись все из трапезной, под лучи позднего светила, чтобы посвятить время до ночной службы своим заботам и раздумьям. Посланник вышел на храмовую площадь и остановился, чтобы дать отдых себе, подумать спокойно, принять решение о плане действий.

– Арам, – обратился он к ученику. – Пока есть у нас несколько минут в покое, давай найдем себе место под кустами и побеседуем. Есть несколько вещей, что не дают мне покоя.

– Пойдем, учитель, я покажу тебе скамью, что недалеко от твоих покоев, – предложил юноша. – Братья редко посещают ее. И там мы будем одни.

Саймей уже привычно добро улыбнулся послушнику и пошел рядом с ним по южной тропе. Вечерний воздух был полон ароматов. Изысканный букет цветов магнолии и роз обволакивал, успокаивал и немного пьянил своей пряностью и сладостью. Они свернули на запад, как только виден им стал гостевой дом. Новая тропа извивалась, уводя куда-то вглубь сада. Саймей был приятно удивлен, что здесь в самом центре страны, где трудно представить себе жизнь без пыли и духоты, вырос этот оазис свежести. Много же трудились братья общины, создавая это ароматное тенистое чудо благодати.

Наконец, Арам остановился у широкой каменной скамьи и пригласил своего учителя жестом присесть.

– Скажи мне, юноша, – опустившись на скамью, тут же обратился Саймей к ученику. – Что знают братья о смерти настоятеля?

– Слухами полнится община, – грустно ответил Арам. – Но правда известна немногим. Брат Веспас был обеспокоен. Он сказал мне и брату Анатолию о яде, но тут же наказал нам строго хранить это в тайне.

– А что брат Веспас поведал другим старейшинам? – чуть задумчиво спросил Посланник.

– Он поведал им, будто настоятель наш отец Иоким поранил тело о старое железо, – бодро отвечал юноша, что давало понятие, как часто и ему самому приходилось рассказывать это братьям общины. – И кровь его была заражена. Брат Веспас назвал эту болезнь... Прости, учитель... Мне плохо дается язык граксов...

– Столбняк? – подсказал Саймей, легко произнося слово.

– О да! – Арам коротко улыбнулся и кивком подтвердил правильность догадки учителя своего. – Именно так и сказал брат Веспас.

– Я доволен предусмотрительностью брата Веспаса, – благосклонно улыбнулся Саймей. – А скажи мне, мальчик, кто из старейшин проявлял интерес?

Посланник, произнося вопрос, пристально наблюдал за юношей, его тревожило, что эти слова могли напугать послушника. Он принял решение Арама и дальше помогать ему, но юноша еще не осознал главного. Под подозрением мог оказаться любой из братьев общины. Или из старейшин. Саймей не был уверен, что послушник готов это принять.

– В тот же день печальный, – робко начал юноша. – Пришли они к брату Веспасу, как раз, когда и я был у него. Первым брат Маркус в слезах и страдании, он был напуган и огорчен смертью настоятеля. Отец Иоким благоволил ему... Пришли с ним брат Беньямин и брат Закари... Прости, учитель, за непочтение мое, но могу я догадываться, что посланы братья эти были отцом Иссой...

Посланник благосклонно кивнул, ободряюще похлопал юношу по плечу. Арам был прав, и Саймей остался доволен его выводами. Слова послушника означали, что его собственные выводы оказались правильны.

– Теперь тебе придется ответить на еще более неприятный вопрос, – предупредил Саймей. – А в каких отношениях пребывали старейшины с настоятелем?

– Брат Маркус был верен моему наставнику, – начал Арам, немного неуверенно, стараясь верно подбирать слова. – Когда-то отец Иоким привел его в обитель, как и меня.

– Без выкупа? – уточнил Посланник.

– Да, – немного смутился юноша. – Брат Веспас... Он со всеми в ладах и ни с кем... Если ты понимаешь...

– Это я уже заметил, – кивнул Саймей. – Брат Веспас врач. Он хранит ваши тайны. Это и сближает его со всеми, и в тоже время является препятствием в дружбе. Хотя у него легкий нрав.

– Он любит проводить время в беседах с отцом Лукасом, – вспомнил юноша. – Приходил он иногда по вечерам и к настоятелю. Но редко они сидели просто за беседой. Обычно это были разговоры по хозяйственным нуждам или... Брат Веспас считал нужным поставить наставника моего в известность о ком-нибудь из братьев...

– И это мне понятно, – Посланник цинично усмехнулся. Он мог бы сказать, что отцам общины необходимо было считать рты. Кто умер, кто пришел на его место. Но он промолчал.

– Ближе всего к учителю моему был отец Беньямин, – продолжил юноша. – Я мог бы даже сказать, что они были друзьями. И к тому же отец Беньямин очень мудр и умеет... лавировать...

Посланник опять усмехнулся. Понятно, отец Беньямин умело сглаживал острые углы между настоятелем и отцом Иссой.

– Что касается отца Закари, – сказал он ученику. – Тут я и сам легко могу предположить, что он не был близок с настоятелем. Как и ни с кем другим. Легко могу я предположить, что и с братом Иссой были у учителя твоего сложные отношения.

– Нет, – живо возразил арам. – Настоятель был благосклонен к нему. Он понимал, конечно... – юноша немного замялся. – Просто он считал, что именно у отца Иссы хватит амбиций и желания управлять общиной после смерти настоятеля.

– Вот как? – искренне удивился Посланник. – Это интересно. А вот остальные старейшины. Неужели никто из них больше не желал этого кресла?

– Таких разговоров я не слышал, – подумав, ответил Арам. – Похоже, все были согласны с волей настоятеля.

Посланник задумался. Если здесь все было решено заранее, и претензий на место настоятеля не было, то такой мотив убийства, как жажда власти, на который Саймей серьезно рассчитывал, исчезал. Или нет? Юноша, конечно, не мог быть в курсе всех политических дел в общине.

– А что будет с тобой, Арам, после отъезда моего? – вдруг сменил он тему.

– Я... – лицо юноши стало печальным. – Я рад, что брат Веспас выразил желание взять меня в обучение. Я и так намерен был просить его... У отца Иссы уже был ученик...

– Не смущайся, мальчик, – ласково сказал Саймей. – Нет здесь греха. Ты привык к доброте прежнего наставника своего и платил ему преданностью, и ты в праве желать того же и от наставника нового. И в праве ты сожалеть об утрате не только близкого тебе человека, но и о прежнем положении своем. Ты человек, и чувства твои земны. Не грех тебе проявлять ум свой и похвальное умение анализировать факты. Это, скорее, добродетель, угодная Пастуху, истинному богу нашему. Грустно мне, но бывает, что мысли наши о людях не столь светлы, как хотелось бы. Ибо и люди не всегда славны делами своими.

– Это вы о ... о брате Иссе? – немного испуганно спросил юноша.

– Все мы не идеальны, – чуть улыбаясь, ответил Саймей. – И каждому из нас вынесет приговор свой Судья, проверит верность нашу договору и сверит дела наши на чаше весов своей мудрости.

– Могу ли я еще спросить? – уже более смело обратился к нему Арам. – Что надеешься ты, учитель, узнать у брата Веспаса?

– Многое, – чуть подумав, ответил серьезно Саймей. – И прежде всего, мне нужен ответ на зловещий вопрос, и я боюсь испугать тебя, мальчик.

– Я рад, учитель, что настоял следовать за тобой, – и по взору юноши, понял Саймей, что послушник и сам мучается этим вопросом.

– Не будем далее тратить время, – решил он и поднялся со скамьи. – Веди меня, Арам.

Они не стали возвращаться на ту же тропу, пошли по другой, также затененной кустами сада и наполненной ароматами цветов. Путь этот был нов для Посланника, он вел далеко от Храмовой площади и зданий, виденных им прежде. Но после нескольких минут ходьбы, он с удивлением понял, что они вернулись к тому зданию, которое видел Саймей по приезде.

– Это дом старших братьев общины, – пояснил юноша, заметив интерес учителя своего. – В других крыльях живут младшие послушники, позади будет пристройка классных залов. Потом еще один флигель, где живут средние послушники, и с обратной его стороны будет вход в покои брата Веспаса и в его кабинет.

– Я рад предусмотрительности брата Веспаса, – сказал между тем Посланник, шагая за Арамом. – Смерть всегда приводит нас в страх и уныние. Если стало бы известно братьям нашим о том, что настоятель Иоким, о котором отзываются все тепло и добро, погиб при загадочных обстоятельствах, и что, возможно, смерть была насильственной, то известие это вызвало бы смуту среди братьев. А такие обстоятельства могут затруднить поиск разгадки этой тайны.

Наконец они повернули за угол и пошли вдоль последнего флигеля, соединенного с основным комплексом крытыми галереями. Одна из дверей на первом этаже была открыта, было видно и то, что в комнате горит свет.

– Иногда и я мечтаю, чтобы всего этого не было, – тихо сказал Арам Посланнику. – И в мечтах моих я не мучаюсь страхами и сомнениями, что обуревают меня наяву.

Саймей лишь потрепал его по волосам, как и делал прежде, в знак сочувствия. Но мысли его были уже о другом. Он помахал рукой брату Веспасу, который сидел на пороге своей комнаты в ожидании Посланника и его ученика.

– Проходи, брат Саймей, – тихо предложил парис, поднимаясь и освобождая вход. – Ежели ты не против, я закрою дверь и задвину полог на окнах.

– О да! – согласился Посланник, чуть задержавшись на пороге. – Я уже говорил Араму, как доволен я твоей предусмотрительностью.

– В таком деле она не лишняя, – парис плотно прикрыл дверь.

Саймей окинул взглядом комнату. Она была скупо обставлена простой деревянной мебелью. Не было здесь украшений и дорогих ковров. Саймей предположил, что здесь брат Веспас принимает тех, кто приходил к нему за помощью.

– Садись на стул, Саймей-Тень, – предложил парис, заняв свое место за столом. – И ты, Арам.

Они опустили на простые стулья с высокими прямыми спинками, пододвинувшись ближе к столу брата Веспаса.

– Что ты хочешь знать, брат? – спросил парис у Посланника в полголоса.

– Мне известно, – начал Саймей решительно. – Что настоятель Иоким получил странную рану в бок. Что это за рана?

– Верно, брат, – согласился лекарь. – Рана в боку настоятеля была. И это единственное повреждение на его теле. Рана не глубокая. Оружие вошло в тело настоятеля всего на дюйм, как раз под ребрами. Оружие угодило в мягкие ткани, не причинив вреда важным органам отца Иокима.

Саймей представил себе, как могло это выглядеть, а после кивнул, давая понять, что разъяснений Париса ему достаточно.

– Как ты думаешь, чем, такая рана быть нанесена? – задал он следующий вопрос.

– А вот это для меня загадка, – немного скорбно ответил парис. – Можешь ты представить, брат, как древко стрелы способно пронзить тело...

– Стрелы? – нахмурился Саймей.

– Древко ее, без наконечника, – придав последним словам больший вес, сказал брат Веспас.

– Но оно же не имеет остроты? – удивился Посланник.

– Я говорю о размерах, – уточнил лекарь. – Оружие имеет те же размеры, ту же толщину, что и древко стрелы. Но скажу я, что ты прав, не имело то оружие острой заточки... Как если бы палку лишь слегка обстругали, чуть видным конусом...

Саймей опять предался размышлениям. Ему приходилось видеть множество разных видов оружия, даже тех, что и не были известны здесь, в стране фарсов. Но не знал он такого, что могло бы подойти под описание лекаря.

– Чтобы нанести вред таким оружием, – начал он размышлять вслух. – Необходимо обладать по истине нечеловеческой силой, свойственной разве что гиганту. И при этом, как я предполагаю, оружие могло и обломиться, когда его загоняли в тело, если на нем не было острия.

– Это ты рассуждаешь так, если бы оружие было из дерева, – не согласился парис. – Но тут оружие было из металла.

– Ты уверен? – загадка полностью захватила Посланника.

– В ране удалось найти песчинки ржавчины, что поедает старый металл, – объяснил лекарь.

– Простите, отцы... – робко вступил вдруг Арам. – Могу я...

– О да! – тут же оживился брат Веспас, благосклонно улыбаясь юноше.

– Я думаю, возможно ли, что оружие, даже будучи из металла, могло быть применено человеком? Если тут необходима столь огромная сила, чтобы... – он пугливо умолк, не в состоянии продолжать страшной мысли.

– Твой ученик, Сеймей-Тень, опять доказывает свой блестящий ум, заслуживающий всяких похвал, – довольно заметил брат Веспас. – Его вопрос столь точен, что я не могу даже выразить, как доволен им. Нет, Арам, не мог человек направить это неизвестное нам оружие в настоятеля. Разрыв тканей в ране брата Иокима говорит мне о том, что удар был резок и внезапен, и что не могла рука человеческая его нанести.

Послушник побледнел, в глазах его полыхнул священный ужас. Однако Посланник и не думал успокаивать юношу, он лишь задумчиво взирал на него. Лекарь же был мягче духом.

– Я много думал над загадкой этой, – начал он мягко, обращаясь более к Араму. – Могу я предположить, что настоятель Иоким мог пораниться о прут железный, какие можно наблюдать в оградах и изгородях богатых домов в Шалеме. Но... это было бы возможно, если бы упал он на такой прут с большой высоты. Да и нет здесь в общине подобных ограждений.

– Место, где получил он рану, остается для меня основной загадкой, – сказал Саймей. – Но и сама рана странна. Если нанесена она с такой силой, то почему столь не глубока?

– Тут не могу я помочь тебе, – печально вздохнул парис. – Скажу тебе еще, что сама по себе рана не могла быть смертельна. Если бы не яд...

– Известен ли тебе этот яд? – с новым интересом спросил Посланник.

– Это есть яд змеиный, – спокойно отвечал парис. – Одной из тварей пустыни. Он попал в кровь, разлился по телу и действовал в течение нескольких часов, лишая жизни.

– И как долго это может продолжаться? – Посланник даже подался вперед, так увлекшись темой.

– До шести часов, – очередная скорбная улыбка промелькнула на губах брата Веспаса. – Это зависит от силы человека, его здоровья и возраста. Отец Иоким терпел мучения около трех часов.

– Мучения? – с болью в голосе воскликнул Арам, закрыв лицо ладонями.

– Прости, послушник, – ласково обратился к нему лекарь. – Но это так. Яд действует медленно, лишая тело подвижности. И в конце человек деревенеет весь, не имея возможности даже сделать вдох.

– Страшная смерть, – тихо и подавлено заметил Посланник. – Остается лишь верить, что не все это время пребывал святой отец в сознании.

– Страшна следующая моя весть, – продолжал парис. – Если и терял настоятель Иоким сознание, то был без чувств он не долго. Иначе потеря крови его была бы сильнее.

– Я поражен силой духа этого человека, – торжественно сказал Посланник. – Перенести такую боль. Такие мучения в здравом рассудке... Как же силен был дух настоятеля!

– О да! – подтвердил брат Веспас. – Могу сказать тебе, что здоровье его было твердо, не смотря на почтенный возраст. Его сердце было крепко и работало четко, не жаловался он и на другие недуги.

– Кроме бессонницы, – тихо сказал Арам.

– У него были проблемы со сном? – Посланник тут же обратил все свое внимание на юношу.

– Он страдал этим недугом еще тогда, когда только принял меня к себе, – стал рассказывать послушник. – Я рано заметил это и тут же обратился за помощью к брату Веспасу.

– Тогда-то я и заметил ум этого юноши, – парис одарил послушника еще одной доброй улыбкой. – Мой промысел мог бы быть его судьбой. Мальчик сразу заметил недуг настоятеля и приходил ко мне за каплями каждый раз, как было необходимо.

– И настоятель всегда принимал сонные капли? – Посланник по-прежнему не сводил взгляда с юноши.

– Нет, – робко сказал тот. – Уже более месяца не пил он тех капель. Мой учитель сказал, что нет в них нужды, просто старость берет свое, а Пастух, Истинный бог наш, дает ему время успеть большее, если уж конец учителя близится.

– И ты вернул капли брату Веспасу? – опять спросил Саймей.

– Нет, – юноша потупился. – Я забыл... А после... В последние дни я сам... Мне было страшно оставаться в покоях моего наставника, после кончины его. Сон не шел ко мне. И я пил эти капли, надеясь получить хоть немного отдыха. Я... Я рассчитал дозу...

Парис усмехнулся, чуть победно.

– Хороший ученик, – заметил он, обращаясь к Посланнику.

– Я тоже им доволен, – теперь голос Саймея стал мягче. – Не волнуйся, мальчик. Все хорошо. Но... У меня к тебе еще несколько вопросов, брат.

Брат Веспас опять улыбнулся, но уже не весело.

– Боюсь я, брат, что чем дольше ты спрашиваешь меня, тем больше новых вопросов получаешь сам.

– Ты прав, – чуть кивнув, согласился Посланник. – И все же, скажи: яд, что поразил настоятеля, как долго он сохраняет силу, будучи нанесен на оружие?

– Он недолговечен, – сразу же отозвался парис. – Всего несколько дней. Что поражает меня еще больше.

– Я меня нет, – тихо, но значимо, произнес Саймей. – Мне жаль, мальчик, – обратился он к Араму. – Но смерть твоего учителя не была естественной. И это не было и несчастным случаем, как было начал я предполагать.

Юноша беззвучно зарыдал, уткнувшись в колени.

Парис встал из-за стола и принес ему чашу с водой, положил ему сочувственно руку на плечо.

– Меня тоже все это огорчает, – продолжал Посланник. – Но я постараюсь сделать все возможное, чтобы найти убийцу и призвать его на суд. ...и ты, брат, прости меня, но я вынужден задать тебе некий вопрос...

– Это будет справедливо, брат, – четко и чуть холодно, заметил парис. – Ты, верно, хочешь знать, где можно добыть этот яд? Есть ли он у меня?

– Прости, – еще раз сказал Посланник.

– Его используют в медицине в составе некоторых зелий, способных унять боль, – пристально глядя в глаза Посланника, отвечал парис. – И зелья такие есть у меня. Но доля яда в них ничтожно мала.

– Ты сам готовишь их? – не отводя взгляда, продолжал Саймей расспросы.

– Нет, – лекарь чуть улыбнулся, но улыбка вышла кривой. – Я был лекарем в армии. И ты понимаешь, брат, в чем больше заключалось мое умение.

Посланник кивнул, понимая, что ближе брату Веспасу хирургия.

– Зелья я покупаю в Лехеме, – продолжал парис. – Уже готовые зелья.

– Я понимаю, – Саймей чуть поклонился лекарю, еще раз извиняясь за свои расспросы. – Ты сказал мне больше, чем даже следовало мне знать.

– В твоём деле может понадобиться любая мелочь, – спокойно пожал плечами парис. – Что дальше ты намерен делать?

– Узнать у тебя еще одну деталь, – взгляд Посланника стал приветливее. – Когда я осматривал ковер в кабинете настоятеля, то не обнаружил там пятен крови. Арам сказал мне, что пятна были лишь на одеянии отца Иокима...

– Ты прав, – подтвердил брат Веспас. – Пятен и не могло быть на ковре. Во-первых, предполагаю я, что в кабинете своем пробыл он совсем не долго. А во-вторых...Его рана была перевязана.

– Кем? – тон Посланника стал опять неприятен.

– Ну, уж это мне не известно, – ответил парис. – Но могу сказать, что не им самим.

Саймей кивнул, будто и ожидал такого ответа.

– Спасибо тебе, брат, – сказал он, вставая со стула. – Я еще раз прошу простить мне мою резкость и подозрения. И благодарю тебя за те сведения, что были мне так необходимы.

– Не стоит, – с достоинством ответил лекарь. – Если не сочтешь ты то лишним, рассказывай мне о тех ответах, что не смог я тебе дать.

– Если смогу их найти, – Посланник смотрел на Арама. – Нам пора, послушник.

Тон его был непрекаем и властен, что испугало юношу, но он не смел послушаться.

Они вышли на воздух. На улице свежело, косые лучи Солнца уже не приносили мучений, а лишь дарили приятное тепло и ласку, как длань Пастуха, Истинного бога нашего, обращенная к чадам его. Молча проследовал Посланник по той дороге, что ранее привела его к дверям брата Веспаса, мысли его были заняты загадками, связанными со смертью настоятеля общины. Послушник тихо шагал рядом, стараясь ничем не привлекать к себе внимания нового своего учителя. Около корпуса, где жили старшие братья, Посланник решительно свернул и уже зна-

комой дорогой направился в покои отца Иокима. Юноша, поняв намерения его, судорожно вздохнул. Дальнейшее представлялось ему пугающим.

– Что так тревожит тебя, ученик? – не поворачивая головы, спросил его Саймей.

– Я напуган, – робко признал юноша. – Мне не понятен гнев твой, учитель. Чем я повинен пред тобой?

– С чего ты взял? – изумился Посланник, надеясь, что в голосе его не прозвучит фальши, так как намеревался испытать юношу.

– Я заметил взгляд твой, полный неодобрения и подозрений, обращенный ко мне, когда беседовал ты с братом Веспасом, – сказал Арам.

– Я уже говорил тебе, послушник, – чуть властно заявил Саймей. – Что не стоит бояться хмурого вида моего, пока я озабочен делом.

– Нет, учитель, – настойчиво возразил юноша. – Я видел твое недоверие ко мне, хотя оно мне и не понятно. Ты считаешь, будто я что-то утаил от тебя.

– Ты мнителен, ученик, – надменно молвил Саймей.

Юноша промолчал, скорбно опустив голову.

– Но ты прав, – продолжал, между тем, его учитель. – Мне показалось, будто ты скрыл от меня кое-что.

– И что же это, учитель? – осторожно спросил Арам.

– Не ты ли перевязал рану наставника своего? – резко обернувшись, и вперив взгляд в лицо послушника, спросил Саймей.

– Нет! – юноша отшатнулся и ужас сверкнул в его глазах. – Нет, учитель!Я....я не смог бы....я...

– Как не смог бы ты быть и учеником брата Веспаса? – чуть вкрадчиво спросил Посланник.

Юноша потупил взор.

– Ты боишься вида крови? – так же продолжал Саймей.

– Да, – еле слышно выдохнул послушник.

– И потому ты сразу же бросился к брату Веспасу, как только понял, что за пятна на одеяниях учителя твоего? – предположил Посланник.

– Я... – юноша поднял глаза, но тут же вновь потупил их, пытаясь скрыть смятение и ненужный стыд. – Все помутилось в глазах моих, как только я понял...

– А брат Анатолий? – продолжал Посланник.

Юноша возрился на него в полном недоумении.

– Ладно, – сжалился над послушником Саймей и тут же ласково ему улыбнулся. – Прости меня, мальчик. Не в праве я был так поступать с тобой. Не в праве подвергать твою верность сомнению, когда ты уже доказал мне, что заслуживаешь доверия. Я больше не буду так пугать тебя.

Юноша робко улыбнулся, но Посланник видел, что во взоре его скрылась обида.

– Но я буду вынужден подвергнуть тебя другому испытанию, – решительно сказал он.

Послушник сжался, будто ожидал удара. Это заставило Саймея задуматься, но в тот момент, загадка эта не слишком его волновала.

– Ничего неприятного я тебе не сделаю, – спокойно сказал он. – И если ты будешь старателен, мы быстро закончим с тобой дела наши. А после, будучи верен слову своему, я позволю тебе изучить свитки, что привез с собой. К тому же, ты сам выбрал свой путь. Ты же хотел узнать тайну?

Юноша кивнул, но продолжал смотреть на него недоверчиво.

– Идем, – не мешкая больше, велел Саймей.

В кабинете настоятеля ничего не изменилось с того момента, как Саймей покинул его, осмотрев по приезде. Теперь Посланник чувствовал себя здесь увереннее. Он сразу пересек комнату, зажигая свечи.

– Странно, – задумчиво сказал он ученику. – Подсвечники тщательно очищены от воска, вода в кувшине свежа. Кто так тщательно заботится об опустевших покоях?

– Отец Анатолий, – ответил Арам. Голос его был ровен, но вид угрюм.

Слова эти заставили Саймею задуматься еще больше. Окинув кабинет внимательным взором, он опять повернулся к послушнику.

– Послушай меня, мальчик, – голос его на этот раз был мягок. – Я не собираюсь причинить боль тебе. Я имею ввиду боль физическую. Тем более, что мне почему-то кажется, что кто-то здесь причиняет тебе ее часто. Я буду рад, если и душа твоя не пострадает еще больше. Все, что я желаю получить от тебя, это то, что сохранилось в твоей памяти в тот миг, когда вошел ты в ту комнату в утро печального дня смерти твоего прежнего учителя. Я лишь помогу тебе вспомнить все это. Ты наблюдателен, и мне необходима каждая малая вещь, что была замечена тобой.

Арам смотрел на него теперь иначе, дыхание юноши сбилось, как если бы он застыл в предвкушении тайной истины, что собирался открыть ему учитель.

– Сразу ты не сможешь вспомнить всё ясно и четко без моей помощи, – продолжал объяснять Саймей, усаживая юношу в кресло настоятеля. – И теперь я же лишь буду направлять тебя в этом трудном пути.

– Ты, учитель... ты дашь мне какое-то снадобье? – с неким любопытством, схожим с тем, что возникает у детей малых, спросил Арам.

– О нет! – Посланник ласково улыбнулся. – Мне не по нраву снадобья, что влияют на ум и дух человеческий. Я просто буду говорить с тобой. А ты будь послушен.

Юноша слабо улыбнулся, и Саймей понял, что утраченное было доверие ученика теперь восстановлено. Пока он вел с Арамом эту беседу, незаметно для юноши Посланник старался воздействовать на него. Это был старый языческий метод, когда один человек своей силой создает у другого необходимые эмоции. Для этого надо было лишь внимательно смотреть в переносицу юноши и как бы закладывая ему мысль о доверии. Саймей порадовался, что послушник еще очень наивен, а потому Посланнику не потребуется тратить много сил, чтобы узнать то, что он желает.

– Закрой глаза, – тихо попросил он, продолжая удерживать взгляд на лице послушника, как раз в той точке, что соединяла брови мальчика, над переносицей.

Юноша поморщился, будто взгляд чем-то ему мешал. Саймей невольно улыбнулся, потому что знал, что в данный момент влияние его на послушника возрастает, и юноша чувствует взор, как если бы учитель касался его.

– Ты не почувствуешь боли, – начал говорить Саймей и голос его звучал мягко и тихо, будто убаюкивал послушника, но при этом в нем звенело напряжение. – Ты должен расслабиться, освободить мысли свои, чтобы текли они в голове твоей потоком, как река несет воды свои в спокойный день. Представь, что лежишь ты в траве, что овеивает тебя сладкими сонными ароматами, что пред взором твоим небо. Без облачка, как в полдень ясный. И синева его проста и уносит тревоги и печали.

Под действием слов его лицо ученика расслабилось. Легкая улыбка скользнула по губам, дыхание стало ровнее, будто заснул послушник, слушая речи Саймею. Посланник продолжал говорить. Рисуя словами картину безмятежного отдыха. И когда показалось ему, что юноша полностью уже во власти видений осторожно сменил он тему.

– Теперь представь, Арам, – тем же убаюкивающим тоном говорил Саймей. – Будто небо уже не синее и яркое, а прозрачное, серое, какое бывает в тот утренний час, когда встаешь ты

ото сна. И представь, что поднялся ты с постели, что, надев одежды свои, спешишь к учителю своему, помогать ему в трудах. Что ты видишь, Арам?

Несколько мгновений ученик молчал, будто созерцая еще картины, что плыли перед внутренним взором его.

– Я вижу сад наш, – вдруг заговорил он, и голос его был умиротворен и тих. – Как низко склоняются ветви кустов, как тени еще лежат на тропе. Мне немного боязно. Как и бывает всегда. И я спешу. И холодно. Воздух холоден. Серо. Кругом серо. Нет святила на небе. Еще слишком рано. Учитель встал. Он всегда встает еще затемно. Я ему нужен. Он слаб в последние дни. Силы покидают его. Я знаю, он мало спит. Его взор по утрам не ясен, будто усталость овладевает им, как только встает он ото сна. Я иду и думаю о нем. Надо уговорить его принимать капли, что дает брат Веспас. Надо убедить его хотя бы спать днем, после обедней службы. Только бы он дал мне возможность позаботиться о нем. ...– Юноша вздохнул, чуть прерывисто, будто готовя себя к чему-то, о чем он знает, и что пугает его. – Я уже миновал храмовую площадь. Я читал молитву, когда дошел уже почти до дома, где и есть рабочие покои моего учителя. Пока я шел, согрелся немного, и это радовало меня. Небо чуть светлело. И я думал, что день должен быть хорошим. Мне стало спокойно и радостно. Но тут я услышал крик. Тихий. Короткий. Мне показалось, что это голос брата Анатолия. Я удивился. Но что-то мне стало боязно.

– Брат звал на помощь? – шепотом спросил Саймей, боясь нарушить сосредоточение мальчика.

– Нет, – немного удивленно ответил он. – Нет. Это было...как если бы он упал, или ударился. Болезненный крик. Но я побежал. Я же знал, что к этому часу брат Анатолий уже приходит к учителю моему, и если ему стало плохо, что-то случилось с братом Анатолием, учитель мой не сможет помочь ему. Я же молод и быстр. Я успею найти помощь. Я взбежал по ступеням, распахнул дверь...

– Прежде она была закрыта? – все так же с осторожностью спросил Посланник.

– Да.

– А окна? Был ли полог на окнах?

Мальчик чуть помолчал, он странно повернул голову, чуть в бок, как склоняют ее кошки, когда любопытство завладевает ими.

– Да, – наконец сказал он. – На окнах был полог. Но я заметил это позже. Когда вбежал я, в комнате было темно.

– А что ты увидел сначала? – продолжал Саймей.

– Я вбежал и остановился, – по лицу послушника прошла волной болезненная судорога. Он переживал все то же, что предназначено было ему увидеть в тот печальный день, заново. – Темно и...Мне показалось, что и нет в комнате никого. Это испугало. Я начал крутить головой. Где учитель? Где брат Анатолий? Я сначала не видел их. Но тут что-то шевельнулось у стола. Я испугался сильно. Будто увидел тень ожившую. Но тут я услышал голос брата Анатолия. Он плакал и что-то шептал.

– О чем были слова его? – Саймей и сам затаил дыхание в ожидании ответа ученика своего.

– Я не понимал смысла, – растеряно сказал Арам. – Это было так странно. Он все твердил...не может быть...не может быть...Все кончено. Я готов был заплакать. Слезы застилали глаза мои. Все было страшно. Темнота, эти странные слова, кресло учителя, как-то странно сдвинутое от стола, будто кто хотел отшвырнуть его. Какие-то бумаги в беспорядке...Стило испачкано, на самом краю стола...Я подошел... – он начал дышать чаще, чуть метнулся в сторону, будто хотел вскочить, лицо его исказилось. – Я просто хотел убрать это стило. Оно могло упасть...И тут я опустил взгляд на брата Анатолия. Ведь он сидел на полу рядом. Почему он не положил стило на место? А он...Он плакал. Тихо-тихо. Раскачивался и что-то держал в

руках. Я вспомнил, как сестра моя баюкает дитя свое. Вот так и брат Анатолий. ...Я совсем растерялся. Может, это какая-то вещь, что ценна для него? И увидел... Это была рука человеческая. Я вскрикнул и нагнулся под стол... Я узнал учителя сразу...

Юноша всхлипнул, слезы текли из-под ресниц его, капая со щек на одежды.

– Тише. Тише, – уговаривал Саймей, чуть поглаживая руки мальчика. – Все. Все. Тебе больше не надо туда приходить. Тебе не надо возвращаться. Открой глаза, Арам.

Мальчик дернулся и распахнул глаза, окинув комнату взором, он вздрогнул всем телом и попытался вскочить.

– Успокойся, послушник, – Саймей протягивал ему чашу с водой. – Успокойся.

– Это было... – юноша глотнул воды. – Это было, как будто я опять оказался там... Но как?

– Это только твои воспоминания, – спокойно объяснял Саймей, надеясь, что тон его подействует на юношу. – Теперь тебе будет легче, и память больше не будет причинять такую боль.

– Как ты сделал это, учитель? – во взоре Арама читалось потрясение и некий страх, каковой накатывает на человека при встрече с непознанным и темным.

– Это трудно и долго объяснять, мальчик, – некая отчужденность слышалась в словах Посланника. – Однако же я мало что сделал. Лишь ты сам был властен вернуть так достоверно эти картины.

Он хотел рассказать мальчику, как его обучали этому умению, но не стал. Сейчас надо было понять еще многие иные вещи.

– Пришел ли ты в себя, ученик? – спросил он юношу, рассматривая стол.

– Да, – немного неумеренно, будто все еще прислушиваясь к своим ощущениям, ответил Арам.

– Тогда давай мы с тобой попробуем понять, что же произошло с учителем твоим в ту страшную ночь, – он прошел к стене, где стоял табурет, на котором сидел давеча разговаривая с братом Анатолием. – Скажи, когда ты покинул отца Иокима накануне вечером?

– После ночной службы, – начал рассказывать Арам, и голос его был не тверд. – Я был у него здесь же. Он диктовал мне слова наставления для утренней службы. После мы говорили с ним о делах общины, что исправить следовало. Я делал заметки. А после, он просил принести пищи. Когда же я вернулся, то он отпустил меня. Была уже ночь, шел второй час.

– Я понял тебя, Арам, – Саймей благосклонно улыбнулся. – Ты правильно сделал, что пересказал мне все дела ваши вечерние. А, скажи, утром того печального дня, после прихода твоего сюда и страшной вести, не видал ли ты следов того, что учитель твой притрагивался к пище?

– Пока брат Веспас смотрел тело учителя моего, я слонялся вблизи, здесь же, – вспоминал юноша. – Да, блюдо и кувшин стояли на месте. Хлеб был надломан, но не много. В чаше еще были капли воды. В кувшин я не заглядывал.

– Хорошо, – Саймей ненадолго задумался. – Если рисовать картину случившегося, то вижу я все так. Настоятель Иоким, учитель твой, отослал тебя в начале второго часа. Позже принял он пищу. Немного. Возможно наскоро. Далее он покинул кабинет и куда-то отправился. Ты говорил мне, будто не принимал он сонного зелья, уверяя, будто время это нужно ему. Еще же ты говорил, будто настоятель казался тебе усталым, когда только вставал ото сна. Как давно это продолжалось?

– Две или три седмицы, – рассудил Арам. – Я уже сильно беспокоился за него и думал говорить с братом Веспасом, чтобы тот уговорил учителя принять лечение.

– Думается мне, что каждую ночь все это время настоятель так же, как в тот вечер накануне смерти своей, покидал кабинет, имея какие-то дела свои, тайные для остальных, – сказал

Саймей. – И в эту ночь ушел он. Если тебя он не отпускал долго, то значит, место то, где бывал настоятель недалеко. Не думаю я, будто он вообще покидал стены общины.

– Если бы он уходил из общины, – заметил Арам. – То мы бы уже знали это, так как у ворот всегда кто-то дежурит. Таков обычай.

– Верно, – Саймей опять улыбнулся юноше, стараясь улыбкой этой похвалить его. – Решим ли мы с тобой загадку, куда он мог тайно следовать из ночи в ночь? Покинул он кабинет примерно в два часа той ночи. Утреннюю службу служим мы в шесть. Пришел ты сюда, по словам твоим за полчаса до службы. Брат Веспас же говорил, будто мучения от яда терпел настоятель около трех часов.

– Но тогда получается... – глаза юноши расширились от страшной догадки.

– Видимо путь до места, где принял смерть настоятель, недалек, – рассудил Саймей. – Он отпустил тебя, чуть притронулся к еде и отправился в путь. На месте же, только прибыв, получил он страшный удар... Далее...

– Брат Веспас сказал, будто некоторое время прибывал учитель мой без чувств, – напомнил Арам.

– Правильно, – подтвердил задумчиво Саймей. – Придя же в себя, отец Иоким был встречен кем-то, кто перевязал ему рану.

– Ты же подумал, будто я помог ему, – робко напомнил послушник. И Саймей опять подумал, что из-за своего быстрого ума, юноша не так послушен, как должен был быть, но Посланника это только радовало.

– Либо ты, либо брат Анатолий, как я уже и говорил – рассудил Посланник. – Однако же это мог быть и кто-то иной... После встречи той настоятель вернулся сюда. Зачем?

– Мысль моя о том, что до этого места ему было ближе, чем до личных покоев, – подумав, высказал юноша.

– Очень хорошо, – похвалил его рассуждения Саймей. – Но я считаю иначе. Ты говорил, Арам, что стило лежало на краю стола, а перед ним – бумаги. Ныне же чисто здесь.

– Брат Анатолий со дня смерти настоятеля ревностно следит за порядком здесь. Вы же заметили новые свечи и свежую воду. И тогда он навел порядок, чтобы занять себя и отвлечься от кручины, – Арам отвечал бойко, рассуждения Посланника захватили его.

– Давай-ка мы взглянем на вещи отца Иокима, – Саймей поднялся с табурета и шагнул к столу. – Где хранит он записи свои?

– На той полке, что у окна, – послушник тоже поднялся на ноги и проворно шагнул к стене, где лежали свитки. – Вот тот из них, что дописывал он в последние дни.

– Ты говорил, он слаб глазами, – вспомнил Саймей. – Много ли он мог написать?

– Он работал совсем мало, – рассказал Арам. – Не более получаса в день. Тут половина, если не больше, написанной рукой. Он вносил лишь самое важное.

– Бери его с собой, мы прочтем его позже, – распорядился Саймей. – А что в нем?

– Здесь описаны дни жизни общины нашей, – чуть сверившись с записями на свитке, сказал послушник.

– А где те записи, что делал ты в тот вечер? – чуть подумав, спросил Посланник.

– Я не знаю, – растерялся Арам. – То был не свиток, а листы, скрепленные в углу. На таких вели мы записи, что не могли вызвать интерес позже.

– А где стило? – Саймей осматривал стол.

– У наставника моего есть специальная полка, где хранит он все необходимое для письма, – и юноша указал на небольшую полку, чуть скрытую пологом окна.

Саймей прошел мимо стола к указанному месту, приоткрыв полог, начал он рассматривать вещи, что лежали там. Тут была и дощечка для удобства письма, когда необходимо было делать записи не за столом. Был нож. С изящной рукоятью. С помощью которого следовало

точить стило. Было и само стило. Саймей удивился, насколько оно погнуто и как изуродован тот край, которым и делали записи.

– Полагаю, им и писал отец Иоким перед самой смертью, – передавая инструмент ученику, заметил он.

– Перед смертью? – юноша был изумлен. – Ты думаешь, учитель, будто наставник мой сюда возвратился за тем, что бы... он что-то писал?

– Об этом говорит мне это стило, – решительно сказал Посланник. – Видишь, как оно изломано? Руки уже плохо слушались его. Яд действовал все сильнее. И запись та должна быть коротка.

– Брат Веспас говорил, что пробыл настоятель здесь недолго, – юноша задумчиво кивнул. – Если кто напал на наставника моего и нанес ему ту страшную рану, то возвратясь сюда с таким трудом, отец Иоким мог написать лишь имя злодея.

– Или что-то о тайных делах своих, с надеждой, что кто-то это дело продолжит, – произнося эти слова, Посланник смотрел неотрывно на скрепленные листы, которые держал в руках. – Арам, пойдись сюда.

Юноша проворно подскочил к нему и тоже посмотрел на бумаги.

– Это и есть те записи, что писал я в тот вечер, – подтвердил он догадку Саймея. – Но почему лист здесь оборван? И так неровно...

– Я и хотел знать, не ты ли отрывал его, – Саймей положил листы на место.

– Они нам не нужны? – послушник был удивлен. Но ждал он и чего-то нового, что открылось Посланнику.

– Лист порван или самим настоятелем или братом Анатолием, – объяснил ему Саймей. – Но брат Анатолий аккуратен. Значит, начертав что-то именно здесь, внизу листа, настоятель, теряя силы, оторвал его. И весть, оставленная им, страшна. О ней и шептал брат Анатолий, когда ты нашел их здесь в то печальное утро. Этого не может быть... Так он говорил тогда?

– Но о чем это? – юноша был обеспокоен, послание таковое казалось ему зловещим.

– Это мы узнаем у брата Анатолия, – Саймей решительно направился к дверям. – Веди меня, ученик.

Как пояснил Арам по дороге, когда спешили они к брату Анатолию, старейшины общины жили в небольшом здании вечного серо-белого цвета, сразу за трапезной, на достойном расстоянии, чтобы запахи еды не проникали в покои и не соблазняли умы старейшин. Таким образом, монастырь оказался выстроен в классической форме, разнообразием которой не отличалась ни одна община страны фарсов. Все они были скорее похожи на крепости, чем на мирные селения братьев. И лишь, возвращенный силами и потом братьев, сад так менял пространство общинного жилья. Здание, где расположились покои старейшин, было, наверное, самым богатым в пределах монастыря, если не считать Храма. Богатыми оказались и сами покои, куда вступили Посланник и ученик его. Утварь блестела позолотой, яркими пятнами поражали взор ковры и покрывала. И тут все было подчинено идеальному порядку, какой был свойственен секретарю усопшего настоятеля. В этот поздний час, брат Анатолий коротал время до ночной службы в обществе брата Беньямина. Оба они были удивлены столь решительным вторжением сюда Посланника.

– Что-то случилось, брат Саймей? – слегка встревожено спросил брат Беньямин.

– О да! – в голосе Посланника звучали ноты явного недовольства и властности, какие проявляются у высоких сановников. – Случилось. И это мне неприятно.

Взгляд же его тяжелый и суровый был направлен на брата Анатолия. Тот съежился, опасно втянул голову в плечи, однако взор его выражал больше испуг, чем чувство вины.

– И что же вызвало недовольство твое? – осторожно спросил казначей.

– Как же могу я быть доволен, коли братья мои, жаждущие помощи моей, сами же и скрывают от меня вещи, так необходимые для разгадки тайны гибели настоятеля Иокима? –

надменно отвечал Саймей, при этом он подошел к брату Анатолию и теперь, стоя перед ним, взирал на него сверху вниз.

– Как я вижу, гнев твой обращен на брата Анатолия, – заметил брат Беньямин. – Но не считаешь же ты...

– О нет, – перебил его Посланник. – Не считаю я брата Анатолия повинным в смерти отца Иокима. Но известно мне, что в то печальное утро он застал настоятеля еще живым...

Секретарь почившего настоятеля резко вскинул взгляд на Посланника, с уст его сорвался судорожный вздох. И увидел Саймей такой испуг во взоре брата Анатолия, что даже был поражен его силой.

– Известно мне и то, – между тем безжалостно продолжал он. – Что утаил ты, брат, некую весть, что оставил на прощание отец Иоким, облегчая нам поиск убийц его. Где то послание?

– Нет... Вы не можете... – брат Анатолий спрятав лицо в ладонях, бормотал несвязно, как бывает при крайнем испуге или же в скорби. – Я не смею показать тебе его, Саймей-Тень.

– Брат! – изумленно воскликнул казначей, так же поднимаясь на ноги. – Как же ты мог! Я всегда был склонен ценить благоразумие твое! Разум твой помрачен от горя, но не гоже так упорствовать. Что же было в послании том?

– Я не могу! Не могу! – твердил брат Анатолий сквозь рыдания. – Не заставляй меня. Ради меня самого, ради себя. Это погубит всех нас!

– Брат, – продолжал мягко отец Беньямин. – Нет ничего, что могло бы угрожать нам, разрушить веру нашу, навлечь на нас гнев Пастуха, Истинного бога нашего.

– Нет! Не могу... – брат Анатолий был неумолим.

Посланник был поражен силой страха, какой внушило святому отцу тайное послание, что Саймей так жаждал получить. Не менее потрясен был и казначей, кому никогда прежде не выпадало случая застать брата его по вере в таком состоянии. И оба они не могли представить, как воззвать к разуму отца Анатолия так, чтобы он услышал их и прислушался к разумным речам.

– Брат Анатолий, – к удивлению и радости Посланника, Арам проворно подскочил к секретарю с кубком в руке. – На же, утоли печаль свою. Успокой душу.

Брат Анатолий отозвался на ласковый голос юноши, на заботу его. Он принял кубок. Жадно глотнул.

– Ну, вот, – примирительно говорил юноша. – Ну, вот. Не пристало тебе так убиваться. Послушай меня, отец, – и подобно истинному сыну, Арам осторожно поглаживал старческую руку. – Мы с тобой были так близки ему. Мы были ему не только братьями по вере нашей, но и семьей, какую не пришлось иметь нашему наставнику. В память его прошу, поведай мне о послании том.

И увидел брат Анатолий такую мольбу в глазах послушника, что был удивлен и обрадован, понимая, какую любовь питал этот юноша к настоятелю, чья душа ныне уже спешила на суд к Пастуху, Истинному богу нашему.

– Мальчик мой, – подавив рыдания, обратился к нему брат Анатолий так, будто бы только они были сейчас в покоях его. – Я вижу, как любил и чтит ты настоятеля нашего, и потому не смею я открыть тайну, доверенную мне настоятелем. Разобьет она тебе сердце. Думаю я, что ум отца Иокима помутился, когда рука его выводила те страшные слова.

– Я понимаю опасения твои, – как можно мягче заговорил Посланник, опускаясь на колени перед братом Анатолием. – Но прошу тебя понять, что брат наш по вере, наставник твой и этого юноши, который любил отца Иокима всем сердцем, был убит. И лишь в тех словах, что скрываешь ты от нас, заключена истина, что способна привести нас к его убийце. Молю тебя, в память о твоём друге и наставнике, раскрой мне слова его.

– Если надеешься ты услышать имя убийцы, – с трудом говорил брат Анатолий. – То нет в послании том и слова о нем.

– О, Бог наш, Пастух, Хранитель наш и Судия! – воскликнул брат Беньямин. – Что я слышу! Не в силах душа моя верить в страшный смысл слов ваших, братья. Неужели наставник наш, отец Иоким убит?

– О да! – скорбно сказал Посланник, однако же взор его по-прежнему был прикован к лицу брата Анатолия. – Он имел какие-то тайные дела. И посещал ночами неизвестное никому место. И видимо в том тайнике была ловушка. Кто-то, кто узнал о тайне настоятеля, активировал эту ловушку. Я видел уже такие. Железный штырь вылетел из стены и поранил отца Иокима в бок. Но он бы не умер, если бы кто-то не смазал этот штырь ядом. И теперь я хочу знать, кто это сделал. И в том послании наверняка должен быть намек на него, если уж нет имени.

– Брат! – с жаром взмолился Беньямин, обратившись к секретарю покойного настоятеля. Он был испуган и шокирован, но понимал, как необходимо сейчас сдерживать свои эмоции. – Не скрывай больше тайны! Если имеешь ты хоть что-то, что способно открыть нам путь по следам убийцы, не молчи. Ничто не может омрачить память нашу о доброте и святости брата Иокима.

– Что ж, – после тяжких раздумий, решился брат Анатолий. – В том послании, что писал наставник мой и друг, отец Иоким, не много слов. Но как страшен смысл их, ... – на миг рыдания прорвались из уст его, но он подавил их, вздохнул глубоко, и окончательно решившись, произнес. – Рукой его было начертано... Мы прокляты. Огненная стрела. Ключ в руках Саймея...

Сердце Посланника будто пропустило удар. Им мгновенно овладел какой-то почти сверхъестественный страх и неприятное предчувствие. Предчувствие уже знакомое. Что-то подсказывало ему, что Феликс оказался прав и их многолетние поиски, тайные и запрещенные, которые могли привести к их гибели, здесь в этой странной общине могут увенчаться неожиданным успехом. Он ждал и боялся этого. Но сейчас не было времени показывать свои чувства.

– Боюсь, мне придется обвинить тебя во лжи, – сказал Саймей брату Анатолию, холодно и чуть властно. – Откуда мог знать настоятель, что именно я явлюсь к вам по его делу?

– Это и правда звучит странно, – растеряно согласился брат Беньямин. – Ты ничего не перепутал?

– Нет! – возмутился секретарь погибшего настоятеля, и скорбь его тут же сменилась гневом. – Имея такие сведения, я не стал бы обманывать вас! Смотрите сами!

Он поднялся решительно со своего места, обошел Посланника и извлек откуда-то из полок у окна клочок бумаги. Неровными дрожащими буквами, съезжавшими вниз, там значились те же слова.

– Странно, – прокомментировал Саймей, чуть задумчиво. – Я слышал о таких случаях, когда перед мучительной смертью людям открывались откровения... Но... Тебя же напугало не это, брат Анатолий? Тогда еще и ты не знал, что Глава повелит мне посетить вашу общину. Значит, это слова о проклятье так подействовали на тебя?

– Отец Иоким был искренне верующим и никогда не имел сомнений в своей вере... – горестно ответил секретарь.

– В этом я не сомневаюсь, – Посланник продолжал смотреть на грубо оторванный клочок пергамента. – Огненная стрела? Арам, ты рассказывал мне об этом сегодня.

Юноша кивнул. Вид у него был не столько испуганный, сколько растерянный.

– Но наверняка говорил тебе этот юноша, – брат Беньямин указал с улыбкой на послушника. – И о том, что в общине нашей больше ремов, есть и парсы и арибы.

– Но для фарсов все мы можем быть прокляты? – с надеждой вопрошал брат Анатолий, коему удалось немного справиться с горем своим.

– Верна мысль твоя, – и брат Беньямин тоже улыбнулся более мягко и свободно.

– Но к чему отец Иоким вспомнил об этом? – удивился Саймей. – Либо же можно предположить, будто разум его был сильно затуманен и сам он не понимал, что делает. Это лишь

отражения его путанных мыслей. ... Но вот что смущает меня. Что же такого в стреле огненной, что вызывает гнев фарсов?

– Это всего лишь легенда, – живо объяснил брат Беньямин. – Как знатоку истории и слов Пастуха, Истинного бога нашего, известно тебе, Саймей-тень, что в час, когда рожден был господь наш на земле, в небе, над местом его рождения зажглась звезда. Вот ее и принято называть стрелой огненной.

Посланник внимательно слушал казначея, однако взгляд его уловил, как изменилось при словах этих лицо послушника. Но юноша промолчал. Посланник отметил про себя, что позже надо будет расспросить мальчика.

– Что ж, – немного легкомысленно заявил он, поднимаясь. – Теперь я доволен. В стеле огненной скрыт символ зарождения веры нашей истинной. А потому легко для понимания стало и проклятие фарсов. Ныне же оставлю я вас, дабы предаться размышлениям... Об остальном, что указано в записке настоятеля. Прости меня, брат Анатолий, что я вынужден был снова причинять тебе горе. Увидимся на ночной службе. Но помните, братья, пока мы не узнаем истинный смысл слов настоятеля, прошу вас оставить их в тайне.

Кивнув священникам, он решительно покинул покои брата Анатолия. Секретарь погибшего настоятеля тут же устало опустился в кресло, а брат Беньямин поспешил вслед за Посланником.

– Брат, – окликнул он его на ступенях. – Могу я немного поговорить с тобой?

– О чем? – нахмурился Саймей. Он совершенно не желал объясняться сейчас с казначеем, обсуждать с ним ход своего расследования.

– Я хочу раскрыть тебе кое-какие сведения, которыми не располагает брат Анатолий, – подойдя ближе, тихо сказал священник. – Есть некоторые вещи, которыми можно объяснить тайну этого послания.

– Слушаю, – чуть удивленно отозвался Саймей.

– Видишь ли, отец Иоким желал узнать историю нашей общины, – стал торопливо рассказывать брат Беньямин. – Но дело в том, что его изыскания внезапно приобрели странный характер...

Священник беспокойно оглянулся на Арама, но потом продолжал при юноше, рассудив, что это дело Посланника отсылать ученика или нет.

– Он внезапно увлекся историей некоего еретического учения, которое давно исчезло со света. Он увлекался этим все больше... И я... Я был вынужден предупредить об этом Главу Шалемского храма. ...

– А он предупредил Главу всего царства земного, Феликса, – продолжил за него Саймей. – Мне это известно. ... Но согласись, брат, даже если отец Иоким и предполагал, что за ним установлена опека, как он мог узнать, что Глава направит сюда именно меня?

– Да, – немного подумав, признался брат Беньямин. – Это странно.

– Пока не стоит об этом задумываться. Это и не важно, – сказал Посланник. – Интереснее то, что ты сообщил мне сейчас. Ты же понимаешь, что именно эти изыскания и привели отца Иокима к смерти? Как много людей здесь в общине знали о них?

– Я, – тут же откликнулся брат Беньямин. – Брат Исса, о чем ты можешь легко догадаться...

– Ты сообщал ему о розысках настоятеля подробно? – перебил казначея Саймей.

– Нет, – тот улыбнулся в ответ чуть насмешливо. – Конечно, нет. Я благоразумно посчитал, что брату Иссе не стоит так досконально знать об этом. Я просто сообщал ему о желании настоятеля восстановить историю общины.

– Хорошо, – искренне обрадовался Саймей. Брат Исса его раздражал.

Брат Беньямин опять усмехнулся, понимая.

– Знал о поисках настоятеля и брат Лукас, – продолжил он. – Они часто сидели вместе. И так как их разговоры часто касались именно дел общины, то отец Иоким рассказал ему о своих поисках. Позже, брат Лукас говорил об этом со мной. Он беспокоился из-за странных интересов настоятеля. И по его совету я отправил письмо в Шалем.

– Это было разумно, – согласился Посланник. – Похоже, только ты, брат Лукас и Арам знали о его настоящем деле?

– Про твоего ученика я бы не говорил, – Беньямин посмотрел на юношу.

– Кое-что было мне известно, – сказал Арам. – Но... О том, что моего учителя интересует история общины, я знал. Но вот о каких-то иных розысках я слышу впервые.

Он выглядел незаслуженно обиженным.

– Тем лучше для тебя, – заметил ему Саймей, чуть усмехнувшись. – Иначе трупов могло быть два.

– Ты думаешь, брат, – осторожно вступил Беньямин. – Что и мы с братом Лукасом теперь подвергаемся опасности?

– Все зависит от того, как много вы знали об этих розысках, – пожал Посланник плечами.

Брат Беньямин задумался. Отвечать Саймею, ему, похоже, было нечего. Посланник приветливо кивнул ему и собирался удалиться.

– Постой, учитель, – попросил его торопливо юноша. – Ты говоришь, что хочешь видеть меня при себе постоянно...

– Да, – немного удивленно подтвердил Саймей.

– Тогда тебе было бы удобнее, если я жил бы в твоих покоях и был всегда под рукой, – предположил юноша.

Посланник смотрел на него задумчиво.

– Согласен, – сказал он.

– Не мог бы тогда сейчас ты подождать меня, пока я заберу вещи из покоев моего учителя? – все это Арам выговорил на одном духе, будто боялся, что Саймей вдруг откажется от своих слов.

Посланник смотрел на него по-прежнему задумчиво.

– Чего ты боишься? – вдруг спросил он.

Юноша оглянулся, ушел ли брат Беньямин, и увидев, что того нет, немного оживился.

– Не мог бы ты идти со мною? Мой страх кажется тебе лишним, но... не могу я избавиться от него. Мне все время кажется, что душа моего наставника возвращается туда...

Юноша запнулся не то от страха, не то от смущения.

– Я понял просьбу твою, – подумав, сказал Посланник. – И выполню ее. Тем более, что мне хотелось бы взглянуть на покои отца Иокима.

Юноша слабо улыбнулся и указал рукой на дверь, располагавшуюся правее покоев брата Анатолия.

– А кто еще обитает здесь? – направляясь к указанной двери, Саймей заметил и еще одни покои, закрытые в этот час.

– Здесь на первом этаже живет так же и брат Закари, – живо объяснил Арам. – Ты сам видел, как он стар. Ему было бы трудно подниматься наверх.

– Ясно – Посланник остановился на пороге покоев усопшего настоятеля. – А наверху?

– На этаже верхнем живут братья Исса, Беньямин и Маркус, – продолжил рассказ юноша, вопросы учителя радовали его, так как из-за них медлили они перед порогом покоев, где ждал послушника его страх. – Но двери брата Маркуса выходят на противоположную сторону. День его начинается ранее нашего, как и позже заканчивается. Он не желает беспокоить братьев своих, когда ему необходимо рано покинуть свои покои.

– Он добр и чистосердечен, – одарил похвалой брата Маркуса Посланник.

– Многим он кажется странным, будто разум его недостаточен для взрослого, – в голосе послушника прозвучали осуждающие нотки. – Но это не так. Просто он искренен и открыт....

– А это ценится далеко не всегда. Что касается меня, то о брате Маркусе я согласен с тобой, – успокоил Саймей юношу. – А теперь давай прервем беседу и сделаем то, зачем пришли.

Послушник кивнул, заглянув в лицо наставника своего глазами полными страха. Но он не стал перечить учителю, и послушно шагнул в двери. Пока юноша зажигал свечи, Посланник осматривал покои. Здесь было богато и чисто. Видимо Арам, служивший настоятелю умел создавать уют, и душа Посланника отдыхала в этих стенах.

– Я поспешу собрать вещи, – сказал ему послушник. – Чтобы сильно не задерживать тебя, учитель.

Он принялся складывать нехитрые пожитки свои в покрывало. Посланник прошел вслед за ним за полог, что отделял рабочую часть комнаты от спальни и сел на ложе настоятеля.

– Богато живут старейшины в общине вашей, – заметил он.

– О да! – беседа отвлекала юношу от его страхов. – Община наша, хоть и мала, но собирает много податей. Семьи братьев щедры. Они крепки в вере, да и любят общину нашу. Что до богатства, то устав наш не так строг, как во многих других общинах. Вот и позволяют братья себе жить в уюте.

– Это интересно, – заметил Саймей. – И доволен я, что ты содержишь покои отца Иокима в порядке. Означает это, что и в моих покоях будешь ты так же заботиться об уюте.

Юноша улыбнулся. Но улыбка его была напряженной.

– Я стараюсь убирать здесь часто, – сказал он.

– Но что же здесь нуждается в уборке? – удивился Саймей. – Ты нынче здесь один. И не думаю я, что наводишь ты беспорядок.

Послушник молчал, тщательно, но быстро, складывая вещи свои.

– Что тебя так пугает здесь, Арам? – опять спросил Посланник, стараясь тоном своим успокоить мальчика. – Здесь тихо, здесь место, куда вряд ли забредут люди, после гибели твоего наставника. Обычно смерть лишь отпугивает живых. Почему же ты так уверен в существовании призрака твоего наставника?

Мальчик оставил вещи, и теперь, ссутулившись, сидел на полу, не поднимая глаз.

– Каждую ночь, со смерти его, кто-то бродит здесь, – шепотом рассказывал Арам. – Я слышу шаги, слышу, как кто-то трогает предметы... и каждое утро приходится мне заново убираться в покоях.

Посланник задумался. Он не верил в возвращение духа настоятеля в земной дом его, хотя прежде и доводилось ему читать о таких случаях в пергаментях, и слушать истории от людей. Но если дух посещал это пристанище, то не мог он издавать столько шума и трогать предметы, он бестелесен.

– Ты слышал шаги из-за полога? – спросил он юношу.

– Да.

– А видел его?

– Нет, слава Пастуху, богу нашему Истинному.

– А здесь, в этой части покоев, приходилось ли тебе справляться с беспорядком?

– Такого не случалось, – юноша немного удивился, но был он и обрадован, что учитель всерьез отнесся к его словам. – Он приходит ночью. Но тут, рядом с ложем наставника я и сплю. Радостно мне, что он так любил меня, что даже после смерти не беспокоит.

– Бедный мой мальчик, – с улыбкой сказал Посланник. – Тяжело мне сообщать тебе это, но я должен, так как в чем-то слова мои успокоят твои страхи, но и внушат новые. Я понимаю, что страна фарсов полна легенд и суеверий, так как народ ваш древен и славен историей своей был еще до прихода на землю Пастуха, Истинного бога нашего. Однако напрасно поверил ты

в пришествие духа наставника твоего. Каждую ночь, пока спал ты, или же лежал без сна в испуге, покои эти посещали существа из плоти и крови. Кто-то из братьев твоих, гонимый злым умыслом, что-то искал в покоях отца Иокима. И велико счастье твое, что побоялся он ступить за спальный полог в поисках своих. Иначе бы по приезде имел бы я загадку о двух смертях.

Некоторое время мальчик сидел, как в оцепенении и смотрел на учителя. Долго осознавал он сказанное Посланником. Но когда понял, изумление и ужас обуяли его.

– Только теперь я понял, что опасности подвергалась не душа моя, а тело, – сказал Арам. – Но кому же могло прийти на ум столь странное деяние?

– Тому же, кто пожелал лишить жизни и наставника твоего, – грустно ответил Саймей. – Так что торопись. Не пристало тебе долее задерживаться здесь. Пока собираешь ты скарб свой, посмотри я, что же злоумышленнику так и не удалось найти.

И со словами этими, Посланник поднялся с ложа, на котором сидел, и стал перетряхивать покрывала.

– Но откуда в тебе, учитель, есть такая уверенность, что злоумышленник не нашел желаемого? – удивился юноша.

– Иначе не было у него смысла возвращаться сюда каждую ночь, – Саймей понял, что на ложе и покрывалах его нет тайника. Он начал простукивать аккуратно стену, надеясь найти в ней полую нишу, скрытую от глаз. О том, что бывают такие тайники, он читал, и даже однажды сам смог обнаружить такой в одном дворце, который посещал в северных границах империи. Но и здесь не имел он успеха.

– Странно, – прокомментировал Саймей, хмуря брови. – Если приходили сюда в поиске, то, думается мне, знали о том, что тайное место в покоях настоятеля есть.

– Или шли сюда наугад, – предположил юноша. Он уже завязал узел на пожитках своих и теперь аккуратно расправлял покрывала на топчане, на котором раньше проводил здесь ночи.

Посланник задумчиво взирал на этот предмет. Топчан был стар и напоминал огромный сундук. А если тайна и прячется внутри него? Посланник решительно отстранил мальчика и принялся изучать топчан, разглядывая его вблизи.

– Никогда при тебе не вскрывал наставник этот ящик? – спросил он у послушника.

– Не видал я такого, – чуть удивленно отвечал Арам. – Ты прав, учитель, это старый сундук, однако крышка его заколочена, и нет возможности заглянуть в него.

– Однако он слишком тяжел, – Посланник прилагал силы, чтобы попробовать сдвинуть топчан. – И кажется мне, что неспроста.

Саймей чувствовал, что он на правильном пути. Он еще раз внимательно взгляделся в роспись, украшающую сундук. Это был старинный цветочный узор, по краям в углах, украшен был топчан изображениями святила. Саймей заметил, что одно из изображений потерто больше, чем другие. Осторожно нажал он на лик святила, вырезанный из дерева, и тут же с легким щелчком передняя стенка сундука отошла. Послушник шумно втянул воздух, увлеченный и изумленный действием. Однако же не растерял юноша проворства, и тут же поддержал крышку, чтобы с шумом не упала та на пол.

– Свитки! – довольно воскликнул Саймей, заглядывая внутрь.

Несколько свитков пожелтевшего от времени пергамента лежали в узкой щели под днищем сундука.

– Смотри! – находка учителя воодушевила Арама. – Пять свитков! Однако ... Не все из них так стары, как кажется.

– Ты опять доставляешь мне удовольствие своей наблюдательностью, – Свободной рукой Посланник потрепал юношу по волосам. – И кажется мне, что нам с тобой будет интересен лишь крайний свиток. Поскольку он выглядит более новым, чем остальные.

Послушник забрал свиток и спрятал его тут же в вещах. Посланник же устанавливал на место дверцу тайника.

– Ну, что же! – весело сказал он Араму. – Теперь твоему призраку еще долго придется ходить ночами, чтобы получить то, чего здесь и нет.

Со словами этими они удалились из покоев настоятеля.

Глава третья. Родовое проклятие

Отстояв ночную службу, они вернулись к себе в покои. Арам пребывал в отличном состоянии духа. Как и любой мальчишка, только что переживший приключение. Посланник тоже пребывал бы в приподнятом расположении духа, если бы ни одно маленькое обстоятельство. Его по-прежнему преследовало нехорошее предчувствие как-то связанное с предсмертной запиской настоятеля.

– Послушай, Арам, – обратился он к ученику. – Когда мы были у брата Анатолия сегодня вечером, и брат Беньямин рассказывал о стреле огненной, я заметил, что ты будто был чем недоволен.

– Это не было неудовольствием, – возразил юноша. – Просто... Я помню, что этой легендой интересовался и мой наставник. Не смотря на то, что записка его пугает меня неясностью, я решил, что он писал ее в бреду. А потому и упомянул этот эпизод, который завораживал его.

– Говоришь, это его интересовало, – Посланник задумался. – Что же так привлекало его внимание?

– Говорил ли я тебе, учитель, что и отцу Иокиму я рассказывал о проклятии нашего рода? – переспросил послушник. – Когда я рассказал ему о тех словах первосвященника, что поверившие в стрелу – прокляты, он удивился. А потом я рассказал ему и кое что еще...

Он улыбнулся, заметив с каким интересом слушает его Посланник. Саймей с трудом заставил себя вернуть мальчику улыбку. Сердце его билось так часто, что он даже дышал с трудом.

– Наш дом стоял в бедном ремесленном квартале, – продолжал юноша. – На улице нашей проживали такие же фарсы, как и мы. То есть те, кто разделял веру истинную. Но чуть дальше была и улица обедневших парисских родов. И часто я сопровождал одного из моих братьев с товаром. Мы катили телегу с утварью, надеясь, что кто-то купит ее. И вот как-то я услышал разговор стариков-парисов. Один из них был накануне оскорблен священником и переживал из-за того. Конечно, все помнили о проклятии и говорили о нем. И тогда я услышал, что

Он прервался, подбирая слова.

– Ты лучше меня и многих знаешь святые слова о жизни Пастуха, Истинного бога нашего, учитель, – сказал послушник. – И помнишь легенду, как в момент рождения земного Пастуха к колыбели его пришли три мага с Востока?

– Это известно мне, конечно, – подтвердил Саймей.

– Но старики те говорили немного иначе, – чуть понизив голос, рассказывал Арам. – Они говорили, что магов, которые были парисами, привел к жилищу родителей земных Пастуха, шалемский вельможа.

– Вот как! – изумился Посланник. – Но это странно!

– Мне тоже так кажется, – согласился послушник. – Они говорили о нем так, будто он хорошо известен, но не называли его имени. Еще они говорили, что он вошел в дом первым, и увидев, что Пастух родился он выстрелил огненной стрелой вверх, и будто в доме том в крыше была дыра. Стрела ушла в небо, и будто отвечая ей загорелась звезда.

– Странное совпадение, – нахмурился Саймей. – стрела настоящая и стрела небесная.

– Я не думаю, что то было совпадением, – наклонившись к учителю прошептал Арам. – Тот вельможа был магом! Они же наблюдают за небесными светилами и знают... И еще...

Юноше торопливо оглянулся, будто боялся, что их подслушают.

– Так что же еще? – чуть насмешливо спросил Саймей.

– Тот вельможа был из маитан...

Посланник испугался, что его состояние будет заметно ученику. Сам он испытал удивление, что-то сродни шоку и ужас. Слова юноши разом позволили ему разгадать загадку пред-

смертной записки настоятеля. Но и это не так волновало Саймея. Просто все го опасения и надежды разом сбылись. И именно это приводило в ужас.

– Ты уверен? – резко спросил он ученика, даже не обратив внимания, что его тон напугал мальчика.

– Да, – быстро ответил тот. – Вот так же и мой учитель... Он тоже был потрясен...

– А он не желал говорить с этими старцами? – расспрашивал Посланник дальше.

– Он пробовал, – робко согласился Арам. – Но они не стали отвечать ему.

– Ясно, – коротко сказал Саймей. – На сегодня достаточно.

Он начал готовиться ко сну, хотя в душе понимал, что еще много времени пролежит с открытыми глазами. При таком напряжении и целой палитре чувств, что в данный момент обуревали его, заснуть не представлялось возможным.

Арам посмотрел на свитки, что лежали сейчас на столе, но ничего не сказал. Он очень хотел знать тайны своего бывшего наставника, но понимал, что сейчас чувствует себя слишком усталым для чтения. Ему не понравилось, как Посланник вдруг закончил разговор.

– Не обижайся, – тут же сказал ему Саймей. – Просто мне о многом надо подумать, Арам. А завтра мы посвятим свободное время этим свиткам. И разговорам. А сейчас, давай спрячем свои находки.

Они вместе убрали их в изголовье ложа Посланника, потом Саймей омыл тело, намазал его душистыми маслами и лег. Арам устроился на другом, более скромном ложе, которое стояло тут же, за пологом. Вскоре мальчик уснул, и только после этого Саймей позволил себе полностью отдаться своим мыслям и воспоминаниям.

Теперь догадаться о тайне записки погибшего настоятеля Саймею не составляло труда. Хоть он и не услышал имени того вельможи, который привел магов к дому рождества Пастуха, Истинного бога нашего, и кто пустил в небо ту самую таинственную стрелу, Посланник прекрасно понял о ком идет речь. И тот факт, что это имя стало известно погибшему настоятелю, пугало. Пугало именно потому, что и убийца настоятеля теперь тоже знал это имя. А возможно, и не только убийца.

Эта тайна уходила корнями в глубь веков. Как раз к тому самому времени, когда родился на земле Пастух, истинный бог наш. и эта тайна имела прямое отношение к Саймею. Знание этого, и события минувшего дня возродили в душе Посланника горестные и пугающие воспоминания.

С того первого дня, как ступил Саймей в Храм Пастуха, Истинного бога нашего, впервые, душа его избрала путь служения Дому Истины. Все помыслы и мечты мальчика были посвящены только делам и словам господним. Только они наполняли радостью его душу. Мальчик рано освоил языки, которые легко ему давались. Он читал целыми днями, останавливаясь только ради молитвы и чтобы принять пищу. К восьми годам он знал все о Доме Истины, о жизни земной Пастуха, Истинного бога нашего, о делах и словах его, сотворенных ради спасения грешных. Он бывал в Храме, беседовал со святыми отцами. Отец мальчика гордился им и радовался делам его. Он знал, что когда-то вот так же Пастух, Истинный бог наш, приходил в Храм, будучи еще совсем юным, и вел беседы, как теперь вел их и Саймей. Отец мальчика не был набожным, просто успехи сына радовали его и соответствовали его амбициям.

Имея немалое богатство, власть и могущество, отец Саймея сумел уговорить отцов церкви нарушить неписанный закон, сохранившийся еще со времен фарсской веры, и отдать второго сына своего на служение Дому Истины. Брат Айра убедил святых отцов взять мальчика с собой на мистерии, отец получил разрешение на обряд посвящения Саймея, как только тому исполнится одиннадцать. Семья была счастлива, как счастлив был и сам Саймей. И лишь дед мальчика, патриарх в их дома, не разделял общей радости.

У Саймея всегда были особые отношения с дедом. Старый воин, краткий в словах и убедительный в действиях, относился к мальчику сурово. Похвалы его были редки и скупы, чаще

дед требовал от внука больших успехов. Именно по настоянию деда Саймей был приобщен к военным упражнениям, к изучению иных наук, кроме истории церкви и Слов Божьих. Разум Саймея, жадный до знаний легко впитывал все новое, однако не все эти науки были ему так близки и желанны. Но дед приказывал, внук подчинялся.

Саймей помнил, как дед наблюдал за ним. Молча, сурово. Он просто приходил в залу, где занимался внук и сидел там, пока мальчик выполнял свои задания. Особенно часто дед посещал уроки, где старый раб обучал мальчика языкам земли фарсов. Дал дед распоряжение, чтобы внуку больше рассказывали и об обычаях этих земель, как и о традициях и истории парисов. Позже, когда разум юноши уставал, дед просматривал сделанное им, вставал и уходил. Редко когда дед удостаивал работу внука поощрительным кивком головы, что выражало довольство.

Но даже при таких отношениях деда и внука все в семье их были поражены, когда патриарх наотрез отказался посвящать внука церкви. Мальчик был опечален и чувствовал обиду, он не мог понять, отчего это дед, который так стремился развить в нем честолюбивые стремления, теперь запрещает ему ступать именно на ту стезю, на которой путь его приведет к вершинам. И это решение патриарха сильно огорчало и отца Саймея.

Однажды мальчик случайно услышал разговор деда с отцом. «Отчего так не любишь ты внука своего Саймея?» – с печалью и возмущением спрашивал отец. «Нет правды в словах твоих, – отвечал дед. – Его я люблю больше всего. Лишь он является истинным наследником рода нашего». После этих слов отец промолчал, и мальчик видел страдание на лице его. Он был зол, был раздражен. А потому тут же отправился в покои деда, где раньше бывал редко. Мальчик не любил суровости деда, его сухости и властности, а потому не желал частых встреч с ним. Но в тот день, он решил позабыть все эти причины. «Я хочу знать!». Он стоял напротив деда, готовый бороться. Дед смотрел на него сурово, по обычаю своему, но и с одобрением. «Хочешь знать?» – он не спросил внука, о чем тот желает говорить, не ронял лишних лицемерных слов. – «А готов ли ты?». Мальчик опешил. Что-то в душе его вдруг напряглось. Будто говорили они не о его грядущем посвящении, не о судьбе его, которую он себе желал, а о чем-то совершенно ином, что мальчик знал, но скрывал знание даже от самого себя. И это пугало. Мальчик вдруг понял, что есть некая тайна, которую он не готов узнать сейчас, а может быть, и вообще никогда.

Но было поздно. Теперь все слова и действия деда приобрели в глазах его иной смысл. И это его интриговало. Впервые тогда он задумался, почему он так особо любим в семье, почему отец испытал такое облегчение и радость, когда Саймей выбрал путь Церкви, понял он и ту печаль, что пролегла на челе отца, после недавних слов деда. Что же ему уготовано? «Я буду готов» – ответил он деду упрямо.

«Я призову тебя», – сухо молвил дед, наблюдая по лицу внука душевные переживания. И патриарх занялся делами, засел за пергамент, делая вид, что нет в комнате Саймея. Мальчик вышел. Он пребывал в смятении. Однако он был упорен и решил, что с того дня будет еще тщательнее и прилежнее учиться. Он не хотел тем самым задобрить деда, просто в нем вдруг проснулось желание знать больше, ответить на некоторые вопросы. . . А вопросы эти смущали его душу, мешали спать по ночам, казалось мальчику, что они сродни сомнениям его в вере.

Так продолжалось еще больше двух месяцев. Саймей трудился. Он похудел и вытянулся. Каждое утро начинал он с обтираний холодной водой, это помогало ему стряхнуть сон, которому предавался он в те дни слишком мало. Приняв для себя таковой обычай, заметил мальчик, что обтирания эти не только придают бодрости разуму, но и укрепляют тело. После процедур он молился и принимал пищу, а затем шел тренироваться с оружием. Он стал быстр и ловок, тело его крепло и набиралось силы. А после занятий, опять обтеревшись водой, садился мальчик за пергаменты. Теперь его интересовало и то, что случилось до прихода Пастуха на земные просторы, как жили тогда люди, во что верили, какие знания хранили они. И это увле-

кало мальчика не менее, чем Слова Божьи. Пока не все способен был понять разум его, но мальчик старался, оставляя себе какие-то заметки или напоминания на будущее. Он даже не мог представить, что этот интерес привил ему незаметно дед, когда настаивал на изучении традиций фарсов и парисов.

Теперь дед часто бывал с ним. Их отношения резко переменялись. Он разрешил Саймею посещать его библиотеку, сам приносил ему пергаменты. Дед беседовал с внуком, разясняя то, что, по мнению его, мальчик уже способен был понять. Отец не препятствовал им, однако это общение не вызывало у него радости. Теперь во всем, что касалось младшего сына у отца было связано с некой тайной печалью, которую Саймей чувствовал, но не смел спросить о ней.

Новые знания, между тем, лишь укрепляли желание Саймея пойти дорогой Церкви. Хотя он и не говорил об этом, но и не просил отца отложить свое посвящение. Теперь мальчик торопился. Будто желал напоследок узнать все то, что в стенах церкви будет ему менее доступно. Дед гордился им, дед помогал. Теперь они стали почти неразлучны. Казалось даже, что их теперь связывает нечто похожее на дружбу. И так продолжалось до того дня, как дед слег на смертном одре.

Ту ночь мальчик запомнил на всю жизнь. Его подняли сонного и слабого, велели ему одеться, и, не дав времени на вопросы, повели в покои деда. Саймей знал, что патриарх тяжело болен, может даже при смерти, но не понимал, зачем он мог понадобиться деду сейчас.

Его оставили одного в темноте, у самого порога. В покоях, где дед возлежал на ложе своем, кто-то был. Мальчик узнал голос отца. «Я молю тебя не делать этого, – говорил отец. – Он еще мал. Не смущай его душу. И пока еще у нас есть шанс обмануть судьбу. Не видели мы подтверждений. Не было знамений. Оставь ему этот шанс. И мечту...» «У меня нет выбора, – шептал дед. – Он последний. Ты сам определил его судьбу, когда выбрал ему имя...» Отец тоже начал шептать что-то, да так тихо, что мальчик не разбирал слов, только понимал, что отец спорит с дедом. О нем. Однако и дед, столь же тихо, отвечал отцу, и тон его был уверен и непререкаем. Мальчик видел, как отец стремительно покинул покои, и заметил скорбь на его лице, пока тот проходил мимо. Он желал догнать его, расспросить, но оклик деда, не дал ему возможности сделать это. Мальчик вступил в покой.

Здесь было душно. Полог на окне был задвинут, не пропуская ночь в это наполненное запахами болезни помещение. Чадили свечи. Их было немного, и они с трудом освещали комнату, окрашивая ее в полумрак. Дед лежал неподвижно, глаза его были полузакрыты. Мальчик вдруг понял, что патриарх очень страдает, но скрывает боль. Покрывала на ложе были сбиты, и Саймей понял, что раньше дед метался здесь в бреду. Теперь же он застыл и ждет. Ждет Саймея.

– Ты все еще хочешь знать? – голос деда звучал глуше, чем обычно. С того памятного дня они не разу не возвращались к этой странной теме. Хотя теперь Саймей уже не так боялся этой неизвестной тайны.

– Да, – не задумываясь, ответил Саймей. – И я хочу сам распорядиться своей судьбой.

Как ни странно, дед не рассердился, как ожидал мальчик. Он смеялся, но смех его был натужным.

– Истинный Саймей, – будто самому себе, сказал он. – Ты хочешь знать... мы мало успели, да и возрастом ты мал, но... У меня не остается времени. ...

Дед заворочался на покрывалах, пытаясь сесть. Мальчик подскочил, собираясь помочь, но дед решительно отстранил его.

– Вот здесь, – патриарх указывал на комод красного дерева, усыпанный росписью и позолотой. – В задней стене, второе дно. Нажмешь в левом углу, там рычаг... Никто не должен знать. Это только твое... – лицо его исказилось почти той же мукой, что видел раньше мальчик на лице отца. – Если бы я мог уберечь тебя от этого. Если бы кто-то мог остановить стрелу...

Дед откинулся на подушки, начал что-то бормотать и метаться, видимо боль окончательно завладела разумом его. Чьи-то руки обхватили мальчика за плечи, заставляя повиноваться. Кто-то подталкивал его к двери. Позже мальчик узнал, что это был раб, служивший деду. Раб, имевший особое расположение своего хозяина и верно ему подчинявшийся. Именно этот раб позже стал собственностью Саймея. Его слугой, учителем и хранителем.

Пока раб выводил Саймея из покоев деда, там собирались какие-то люди. Судя по виду, священники. Это изумило мальчика. Он точно знал, что дед никогда не был верующим. Хотя именно патриарх их семьи, известный теперь всему миру император Конст собрал первый мировой собор. Откуда пошла церковь. Это было давно. Но и по сей день, дед не принял истинной веры.

Саймея отвели обратно, в его собственные покои, однако спать он уже не мог. Его захватило предвкушение обещанного узнавания, какое нападает на человека, когда суждено ему открыть тайную истину. Прошло пять дней. Дед умер. И только тогда привел раб Саймея в покои деда. Мальчик вскрыл тайник. ...

С той ночи для Саймея путь служения Церкви был закрыт. Рукопись, найденную в тайнике деда мальчик перечитывал позже по нескольку раз и теперь знал ее наизусть. Хотя был уверен, что в сердце его слова эти отпечатались навечно еще в ту памятную ночь.

« Небо сегодня пасмурно, и дорога трудна. Море беспокойно. И мне беспокойно вместе с ним. Я всегда боялся воды. Ибо глубины ее так темны, что опуститься в них может без тревоги только бессмертный. Как и всегда желудок мой неприятно сжимается, стоит мне обратить взор на серую и сумрачную рябь за бортом. Обычно в плавании сеём, это лишь отвлекает меня от сердечных мук моих. Но не в сей день, ибо сегодня стало мне понятно, что отец мой умер. Я не обладаю даром его могучим, но эту печальную весть мне понять было нетрудно, и даже не стоило мне прибегать к чтению звезд. Отец мертв, как и было предсказано. А я стал изгнанником и проклятым в стране моей, и лишь по настоянию его не лишился я жизни, выбрав путь бегства.

И вот долог и труден сей путь мой. Как бывает трудна дорога, ежели сердце свое ты оставил там, откуда и держишь путь. Душа моя плачет, а боль теснит грудь. Я, Айра, богатый наследник племени фарсов, жена моя, Клавдия, что из ремов, и сыны мои Авдий и Фалий, плывем на судне сеём в края неведомые, унося в сердцах своих великую тайну, что завещал мне отец мой. Эта тайная истина совершена отцом моим, но слава о ней пойдет по всем землям, как и предсказывал мой родитель. Пока же все мы дали обет молчания, ибо вера наша, имена Истинного бога нашего должны быть забыты и спрятаны там, где никто не смог бы найти их. В могилах наших. Как унес в могилу свою тайну и мой отец.

Мой отец – великий маг и учитель. За наставлениями его приходили к нему многие и бедные, и богатые, и мудрые, и простые. Всех принимал он, как велит обычай религии нашей. Всем дарил он слово или деяние чудное. Мало существует вещей на свете, кои неизвестны и неподвластны ему, Великому жрецу бога нашего истинного. Я сын его, и хотя не обладаю всеми дарами его, но многое все же получил по наследству. И горько мне, что ныне все, чем возвеличен был отец мой, станет страшным грехом в том мире, который и построил отец.

Верится мне только, что Судия оценит путь его так, как отец достоин того, ибо же сам Бог дал ему власть содеять то, что отец смог сотворить. Теперь я верю, что путь его лежит на небеса, туда, где нужен он Господу, где свет, который нес отец на земле, возгорится ярче в войске господнем.

Мой же жизненный черед продолжается. Я намерен выполнить волю отца. Он, стоя здесь у борта, завещал мне хранить тайну. Должен я продлить и род наш, ибо потомки отца моего должны продолжить дело его, дабы победа, что одержал отец для Господа нашего, пока хрупка. Отец молвил мне, что один из рода нашего вознесется высоко. Так величав будет полет его, что подвластны ему станут не только судьбы смертных, но и судьбы богов. И ежели верен будет

он тайне нашей, кою следует передавать мне далее из колена в колено, то слава о деянии отца засияет заново еще ярче и яростнее.

Молвил отец, что род наш могуч будет и не сломлен. Что примут нас на чужбине и возвысимся мы даром его, переданным мне в крови рода нашего, и будем процветать и править. Однако же опасения отца сулили нам и провал, ежели только именем его, что запрещено мне произносить вовеки, не будет назван ни один сын в роду до седьмого колена. Иначе же падет род. И последний, кто будет наречен именем сим, раскроет тайну, развеяв по ветру все, что содеяно отцом. Или же примет смерть.

И сие есть истина, как истинен был и огонь стрелы, что зажег отец мой».

И вот когда впервые мальчик прочел эти строки, то обуял его ужас. Тот ужас, что возвращался и поныне, стоило ему подойти к краю тайны, что завещана была ему неизвестным предком. «Ты сам определил судьбу его, когда выбрал имя ему...» Так сказал дед. И теперь мальчик понимал смысл этих слов. Имя ему было Саймей. Проклятие, предвиденное отцом рода его, свершилось. И мальчик должен был стать последним.

Рук его дрожали, озноб пробегал по телу, перед глазами плыло, а воздух будто бы перестал наполнять легкие. Желанный путь в лоно Церкви был закрыт для него навеки, но что ждало его теперь впереди, мальчик не желал даже предполагать. Нынче занимали его иные мысли. Какую тайну скрывал его предок? Почему его имя должно было сохраняться в тайне? Пока мальчик понимал одно: если его предок был магом и учителем, как пишет Айра, то он точно не принадлежал к истинной вере. Эти порочные знания были отвергнуты Пастухом, истинным богом нашим. Имен по этому дед и протестовал против ухода Саймея в лоно Церкви. Еще мальчика тревожила мысль, что знание и тайна способны разрушить дело предков, если будут раскрыты. Любовь к семье перевесила любовь к Богу. Вера осталась, но теперь уже Саймей сам отказался от посвящения. Ему нужно было время, чтобы раскрыть замысел неизвестного предка. И понять, на что он способен: уничтожить его дело или умереть самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.